

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ОПЕРАЦИЯ
«АНТИТЕРРОР»

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Операция «Антитеррор»

«Автор»

2002

Самаров С. В.

Операция «Антитеррор» / С. В. Самаров — «Автор»,
2002 — (Спецназ ГРУ)

Их объявили в розыск, как отпетых убийц. В итоге, двое бывших спецназовцев оказываются у чеченских боевиков, в банде Марии – русской женщины, фанатично преданной идеям ислама. Банда Марии – неуловимой и безжалостной террористки по кличке Гаврош – готовит крупную диверсию в одном из городов России. А обоим спецназовцам предназначена в этой акции ключевая роль. Что ж, пора задуматься, кто они – покорные ягнята или парни из российской боевой элиты...

© Самаров С. В., 2002

© Автор, 2002

Содержание

ГЛАВА 1	5
1	5
2	8
3	12
ГЛАВА 2	15
1	15
2	18
3	20
ГЛАВА 3	24
1	24
2	28
ГЛАВА 4	34
1	34
2	38
3	41
ГЛАВА 5	45
1	45
2	49
3	52
ГЛАВА 6	55
1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Самаров

Операция «Антитеррор»

ГЛАВА 1

1

Трамвай затормозил так резко, что пассажиры посунулись, попадали друг на друга. Послышался скрежет рвущегося тонкого металла и звон разбитых стекол. И крепкий мат пассажиров – это рабочие электрометаллургического комбината ехали на смену. Metallурги за словом в карман никогда не полезут, общение с горячей сталью делает их самих людьми взрывоопасными, а лексикон ограниченным – потому как в горячем цехе разговаривать трудно. Но разговор этот обычно бывает чрезвычайно колоритным и, как правило, односторонним – как иначе можно разговаривать с упавшей за шиворот каплей жидкого металла!

Раздались стоны и реплики сильно ударившихся о сиденья, о стойки или же просто друг о друга, а все это перекрыл жуткий женский вопль. Как оказалось, вопль этот принадлежит водителю – молодой краснощеклой татарке. Едва взглянув на нее, даже пьяный и буйный понимал, что с такой женщиной связываться рискованно – всегда даст отпор, но сейчас она упиралась ногами в переднюю стенку и изо всей силы вдавливала себя в спинку сиденья. И вопила, сколько хватало дыхания. Прерывалась на короткий миг и начинала вопить вновь.

Те, кто стоял ближе к дверце водителя, пытались сквозь толстое стекло рассмотреть, что же с ней случилось. Сдвинуть вбок саму дверцу не удавалось, она открывалась изнутри. Наконец пожилой металлург не пожалел свою новую кожаную куртку и с силой ударил в стекло локтем. Полетели стекла, порезали рукав куртки. Мужчина просунул руку и открыл дверцу.

– Что с тобой, голубушка? – пробасил он, но ответа не дождался.

Переднее стекло трамвая осыпалось мелкими осколками вперед, но на женщине даже царапины заметно не было. Дядька-металлург, должно быть, слышал, что такое нервный шок, потому шагнул за порог, схватил женщину за плечо и с силой встряхнул, пытаясь выбить из нее испуг, привести в чувство или хотя бы остановить рвущиеся из нутра дикие истеричные крики. И только тут увидел остекленевшие, точно неживые глаза с почти невозможно – от ресницы до ресницы – расширенным зрачком. И глаза эти смотрели вперед. Вернее, отталкивались от того, что было впереди, пытались отодвинуться, но мешало сиденье и задняя стенка водительской кабины, мешал весь трамвай, что был у нее за спиной.

Дядька-металлург видел впереди только помятую крышу белого автомобиля с разбитым верхним люком. И понимал, что не эта крыша так напугала водителя. Он положил свое пузо на переднюю панель трамвая и с трудом, кряхтя, наклонился.

Он увидел такое, от чего его чуть не вырвало. Он резким движением живота надавил на тумблеры, удлиненные ручками из наборного цветного органического стекла, и открылись все двери вагона. Можно было выходить, движение, обычно оживленное в этой части улицы, из-за аварии стихло. Большинство автомобилей осторожно объезжало место происшествия, некоторые припарковывались у газона, водители выглядывали, чтобы или помочь, или скорее всего просто поглазеть.

Металлург вдруг рванулся к двери и пробил брешь в толпе. Его выворотило наизнанку. Он пошел к газону, не обращая внимания на медленно едущие почти на него машины, а мутило от одного воспоминания об увиденном.

Но не все оказались такими слабонервными. Некоторые сразу ринулись вперед – посмотреть, что там случилось. Большинство из них, бросив только взгляд, все же отходило сразу в сторону, не вынеся зрелища, кое-кто останавливался.

– Классный «Лексус»...

– Был классным. Сейчас это металлолом вперемешку с человеческим фаршем.

– Как вам не стыдно, молодые люди! Здесь же трагедия произошла...

Наконец кто-то сообразил и бросился к правой дверце автомобиля, рывком, с помощью других рук, тут же пришедших на помощь, открыл ее. Пассажир справа, худенькая женщина лет двадцати двух – двадцати пяти, бледная, испуганная, одной рукой придерживала другую, должно быть, ушибленную или сломанную, больной рукой прижимала к себе сумочку. Но все же она вышла, прихрамывая, сама. Коротко стриженные волосы были растрепаны, и из-под челки смотрели, ничего не понимая, испуганные глаза.

Женщина была хорошенькая, и сразу нашлось немало желающих поддержать ее под руки и отвести в сторону, к газону, где можно было если не сесть – мокрый снег покрыл траву, – то хотя бы прислониться плечом к стволу молоденькой липы. Она оперлась на подставленные руки. Ярко наманикюренные, острые ногти вцепились в рукава помощников, словно она боялась не удержаться и упасть.

Остановилась случайно проезжавшая мимо «Скорая помощь». Врачи подошли сначала к раздавленному «Лексусу». Даже не стали пульс прощупывать и прикасаться к водителю машины. С ним было уже все и так ясно. Занялись водителем трамвая. И только когда ее усадили на сиденье, кто-то показал врачам на шуплую женщину, стоящую на газоне в прежней неестественной позе. О ней как-то забыли в суматохе.

Подъехала милицейская машина из райотдела и другая «Скорая помощь», которую вызвали.

– Он как специально... Он как специально... – закричала вдруг водитель трамвая, выпрыгнула из «Скорой помощи» и бросилась бежать по дороге, неловко переставляя ноги в сапогах на высоких и уродливо широких, модных ныне, каблуках.

– Куд-да... – раздался окрик.

Милицейская машина через десять метров нагнала ее, выскочили два сержанта и схватили женщину под руки, а потом затолкали в свою машину через заднюю дверь. За решетку.

– Он как специально свернул... – продолжала кричать женщина в истерике, повернув лицо неизвестно к кому, то ли объясняя, то ли оправдываясь. Но люди, словно стесняясь, отворачивались от полубезумного взгляда.

Подошел врач с машины «Скорой помощи», высокий и широкоплечий парень с сосредоточенным лицом.

– Откройте заднюю дверь, – сказал он резко и категорично. – Мы ее с собой забираем. Вы что, не видите, в каком она состоянии...

– После допроса, может, и заберешь... – невозмутимо ковыряя в редких зубах спичкой, ответил кругломордый очкастый старший лейтенант с переднего сиденья. Он только что пообещал и раздражался оттого, что пришлось здесь остановиться. Он – райотделовский. По сути дела, это происшествие его совсем не касается. Приедет машина ГИБДД, пусть сами разбираются, кого в больницу отпускать, кого допрашивать.

– Мне нужно хотя бы осмотреть ее... – Врач настаивал на своем.

– После допроса и осмотришь... – Мент демонстративно отвернулся, с удовольствием, как любой мелочный человек, показывая свое «право силы».

Врач упрямо нагнул голову, и на шее у него вздулись синие вены – видно, упрямства и характера ему было не занимать. Он посмотрел на невозмутимого старшего лейтенанта так, что того отчего-то передернуло. И сказал угрожающе, хотя и спокойно:

– Короче, если мне сейчас же не позволят выполнять мою непосредственную работу, я немедленно еду в прокуратуру и пишу заявление.

– Напугал... – усмехнулся старший лейтенант и оглянулся – не слышат ли посторонние их разговор. – Егоров, – громко сказал он в толпу. – Выпусти эту истеричку. Пусть ее там осмотрят.

Водителя трамвая выпустили, и врач, взяв женщину под руку, тут же увел ее в «уазик» «Скорой помощи», где уже сидела женщина с короткой стрижкой. Резко хлопнула дверца. «Скорая помощь» взвыла сиреной, развернулась и поехала по встречной полосе движения через трамвайные пути. Мигалка ехидно показывала ментовскому лейтенанту, что он остался без участников происшествия.

– Ну, попадется он мне где-нибудь... – лицо врача старший лейтенант хорошо запомнил. Мент не любил лица людей, имеющих свое мнение. Да кто он вообще такой? Врачишка несчастный...

– Ну, попадется мне этот старлей на операцию... – тем временем сказал врач водителю «Скорой помощи». – Я ему аппендикс с яйцами спутаю...

2

В последнее время я вынужден был часто посещать городское управление. Как-то так получалось, что многие мои дела пересекались или шли параллельно с ментовскими. И потому меня здесь уже хорошо знали и даже пропуск не спрашивали. И в этот раз дежурный оказался знакомым. Я приветственно кивнул ему.

– Привет. Я к Лоскуткову.

– Привет, частный сыщик. А у тебя шнурок развязался... – сказал капитан и, не дожидаясь, пока я посмотрю на свои сапоги на замке-«молнии», расхохотался.

Ментовский юмор не знает границ!

Я поднялся по лестнице, прошел в середину коридора, стукнул два раза в дверь кабинета майора Лоскуткова и вошел, не дожидаясь приглашения.

– Привет, майор...

Он сегодня, как всегда, суров.

– Здравствуй, майор. Долго же пришлось тебя ждать.

Я посмотрел на него, беззаботный, как утреннее солнышко, хотя погода на улице стояла прескверная – то ли дождь со снегом, то ли излишне мокрый снег, то ли осень кончается, то ли зима начинается – и о беззаботном солнце пора забыть.

– Надо было выписать мне официальную повестку. Тогда бы я явился минута в минуту в соответствии со своей природной пунктуальностью. А во всех других случаях я появляюсь только в свободную минуту. Разницу, господин мент, в этом видишь?

Будь у меня нервы послабее, я обязательно отбил бы себе седалище, упав под рысьим взглядом Лоскуткова на пол.

– Чего надо? – спросил я. – Да еще так срочно... У меня своих забот – в карманы не влазят...

Майор, надо сказать, позвонил мне совсем не вовремя. Я осваивал недавно приобретенный компьютер, учился двумя пальцами набирать текст как можно быстрее и провел за этим занятием несколько часов. Пальцы сильно устали, и тогда я на пару часов занялся другим – принялся раскладывать на экране монитора сложный компьютерный пасьянс. От этого важного дела Лоскутков меня и отвлек. А я, признаться, не люблю, когда меня отвлекают от важных дел.

– Я тебя пригласил как бывшего спецназовца. Консультация требуется.

– У вас что, своего спецназа не хватает?

– У нас нет спецназа ГРУ.

А он льстец. Знает, чем купить отставного бравого вояку, которому весьма даже свойственно чувство гордости за свою предыдущую службу.

– Ну-ну... – Я сел на жесткий стул у стены, сбоку от стола майора. Не люблю садиться напротив, где обычно сажают допрашиваемых. – Чем тебе не понравился спецназ ГРУ?

– Где-то я читал об одном фирменном ударе, которому у вас обучали...

– Ты еще иногда что-то читаешь?

Лоскутков ехидства в моем невинном вопросе не уловил. Он считал нормальным, что у него хронически не хватает времени на то, чтобы хотя бы перелистывать художественную литературу. Обычно, заглянув ко мне домой, он читает только названия книг на корешках.

– Если бы тебе пришлось читать столько бумаг, сколько мне... – Майор вздохнул непритворно.

– Так где ты читал про фирменный удар спецназа ГРУ? Рассказывай... – Я всегда болезненно отношусь к любому обвинению своих войск.

– Проходило в каких-то ориентировках. Уже запомнил когда, но сам факт в голове застрял.

– Компьютером надо пользоваться, – съехидничал я опять.

Компьютер в кабинете Лоскуткова поставили совсем недавно – через пару дней после того, как этой техникой обзавелся я, но он использует его исключительно как печатную машинку. Другого просто не умеет.

– Я уже спрашивал наших компьютерщиков. У них нет таких программ, которые могут проводить подобную выборку. Там только строгий перечень классификации преступлений и поименный архив.

– Не надо, значит, сажать талантливых программистов на длительные сроки. И вообще, относись к таким вещам проще. Пообещай год скостить, и они тебе, уверен, горы свернут...

Пару недель назад мы совместно с Лоскутковым, но по разным побудительным мотивам – я через заказ и предварительную оплату клиента, он через открытие уголовного дела – расследовали одно и то же преступление. В итоге сейчас под следствием сидит женщина – супер-талантливый программист. Если бы ее использовать вовремя, можно было бы создать эксклюзивные оригинальные программы, которые могли бы существенно помочь ментам и прочим следакам в их деле.

– Ладно, я не о том.

– Давай «о том»... Что за удар? – Вот, – Лоскутков всегда держал стол предельно чистым. Ни одной лишней бумажки. И сейчас достал из ящика, который открыл ключом, пачку фотографий. Бросил на стол.

Я посмотрел. Трупы анфас и в профиль меня интересовали мало – лицемерие следственных фотографий дело вообще малоприятное, и я выбрал только крупные планы. На фотографиях двое мужчин. У обоих одно и то же ранение – с левой стороны в районе сонной артерии пробито горло.

– Как их так угораздило?

– В течение недели. Два компаньона. И того и другого в машине. В одном и том же месте, около офиса. Ребята криминальные, из очень крутых. Не каждый решится на них насесть. Но кто-то решился. Ну что, знаешь такой удар?

– Удар такой знаю. Это довольно простая вещь. Наносится, как правило, одним или двумя пальцами. Но это удар вырубаящий, не смертельный. Из моих знакомых только несколько человек умели пробить горло – чтобы сразу наповал.

– Кто? – встрепенулся Лоскутков.

– Двоих уже нет. В Афгане погибли. Один сейчас, насколько я знаю, принял сербское гражданство и в России не появляется – сильно его командование обидело. Есть один человек и в нашем городе...

Лоскутков встал, напряженный, как тяжелоатлет перед рывком штанги...

– Вольно, садитесь, товарищ майор, – сказал я спокойно. – Он не подходит на роль подозреваемого по одной-единственной, но решающей причине...

– Ну?

– Удар этот наносится правой рукой, потому что сонная артерия пробивается только слева. Справа ты можешь ее прощупать только как пульс. Я понимаю, что сидящего в машине человека со стороны улицы можно ударить и левой рукой. Так даже сподручнее, если подходишь к машине сзади. Но чтобы сделать этот удар смертельным, нужно тренироваться много лет. А тренируются, как правило, не предполагая, что жертва будет сидеть в машине. Короче, тренируют только правую руку, потому что левая в этом плане обычно бывает бесполезна.

– Дальше, дальше... – Майор только сейчас сел, раздраженный моей медлительностью. Ему, кажется, просто не терпелось вызвать группу захвата и ехать арестовывать, хватать, ломать, обыскивать и допрашивать.

– А дальше все просто. Тот человек, о котором я тебе говорил, прослужил в армии дольше меня. Умудрился не попасть под сокращение, когда вся эта демократическая катавасия началась. В Чечне у него взорвалась в руках граната. Запал был неисправен. Правую руку ампутировали по локоть.

– Чем он сейчас занимается?

– Пьет «горькую».

– Кто он такой?

– Подполковник Проханов. Леня Проханов, хороший был командир роты в Афгане.

– Ты с ним вместе воевал?

– Нет, он был в другом батальоне. У Лени в роте потерь не было. Представляешь?

– Не болтай... На войне не бывает без потерь. Тем более в спецназе.

– Глуп ты, Лоскутков, – разозлился я не на шутку. – Все вы, гражданские, ментовские и даже большинство военных – глупы. Вы всегда думаете, что спецназ готовится специально для рукопашной. А спецназ в первую очередь обучают выживанию и умению убивать, оставаясь невредимым. Вот почему у нас почти у каждого офицера было по два высших образования. Чтобы мог лучше головой работать в боевой обстановке.

– И у тебя? – спросил он ехидно.

– И у меня, – кажется, я его этим удивил. Могу и еще больше удивить. – Кроме того, офицер должен знать несколько иностранных языков.

– И ты?

– И я. Обучение одного офицера спецназа обходится государству в такую же сумму, как обучение целого горотдела ментов. Поэтому спецназовец должен себя беречь. Вот этому нас здорово учили.

– Только потом выбросили на помойку...

– Да... – горько согласился я.

– Так что ты скажешь про своего Леню?

– Скажу, что он не мог совершить это убийство по причине своей инвалидности.

Майор вздохнул.

– А разные доморощенные каратисты и прочие?

– На то они и доморощенные. Их слишком плохо учат. На татами боевых навыков не обретешь.

– Но кто-то же это сделал? – Мент с силой хлопнул ладонью по пачке фотографий.

– Вероятно, и среди спортсменов бывают особо талантливые...

Зазвонил телефон.

– Майор Лоскутков. Слушаю. Да. Привет, Лева. Да как сказать... Твоими молитвами... Здесь он. Сейчас.

И протянул трубку мне:

– Твое начальство разыскивает знаменитого сыщика.

Я ответил ему кривой усмешкой и пододвинулся вместе со стулом к телефонному аппарату.

– Серега. – Лева Иванов, шеф нашего частного детективного агентства «Аргус», похоже, захлебывался от восторга. Такое с ним иногда случается, когда предвидятся обстоятельства, позволяющие подправить обычно шаткое финансовое положение агентства. – Ты стал опять нарасхват. Тут ши-икарная дама пожаловала. С заказом. Желает иметь дело только с тобой. Кто-то, видимо, порекомендовал. Приехала сама за рулем джипа, представляешь... Оплачивать готова любые расходы.

– Еду, – согласился я без уговоров. Без работы я тоже иногда скучаю, особенно без такой, которая обещает приличные заработки. А мне сейчас очень требуются хорошие заработки.

Моя машина почти отказывается передвигаться. Кое-что удалось скопить с предыдущего дела, но по моим запросам этого мало.

Я положил трубку.

– Вот так, господин мент. Поэтому я попрошу оставить Леню Проханова в покое. Он человек больной и нервный, а если ты еще начнешь его доставать, то совсем запьет. По-черному. Ему лишь бы причина была, а желание всегда найдется. Не надо, прошу тебя...

– Съезди сам к нему. Поговори на всякий случай. Может, слышал он еще про кого-то...

– Съезжу, – пообещал я. Не столько из дружеских чувств к майору Лоскуткову, сколько из сочувствия Лене Проханову, которому психологически трудно будет мутным с похмелья взглядом встретиться с рысьими ментовскими глазами.

3

Не люблю я такую зиму. Если уж зима, то чтобы настоящая, со снегом и румяным морозцем. А все последние годы даже в декабре – слякоть, мокрый асфальт. По такой дороге бы ехать еле-еле, а мне пришлось торопиться. Но – напрасно. Многообещающая дама, которая, по словам Левы Иванова, никак не могла дожидаться встречи со мной, проявила нетерпение и уехала, так и не показав мне свой замечательный джип.

– Клялась, что через часик вернется, – сказал шеф, разводя руки. – Богатые клиенты ждать не любят.

Я характер выдержал.

– Если ей очень нужно, то придет. А если какой-нибудь пустяк, то найдем других...

Кто бы слышал, как вздохнул Лева! Это был не просто вздох, это было страдание по несостоявшемуся. Это было желание Левы хоть как-то выкрутиться в обстановке хронического отсутствия заказов. Выкрутиться и получить зарплату самому, и заплатить ее сотрудникам. Вот она, жизнь руководителя частного детективного агентства. Не позавидуешь.

Я открывал дверь своего кабинета с твердым намерением разобраться с проклятым компьютерным пасьянсом, час назад мне это помешало сделать Лоскутков. За дверью зазвонил телефон. Я стал спешить, но не преуспел: замок, как назло, заело, а звонки прекратились.

Я сел за стол и включил компьютер. Но начать игру не успел. Снова позвонили. Хотелось надеяться, что это та самая клиентка.

Оказалось, что это даже не клиент.

– Привет, майор.

Мужской голос не оставил никаких надежд на скорое обогащение.

– Рад поприветствовать в вашем лице славных представителей российских чекистов, – отчеканил я, как на плацу перед строем.

Майор Асафьев из областного управления ФСБ. Мы с ним иногда контактируем по некоторым делам. Первый контакт закончился для майора плачевно – я оставил ему на лбу глубокий шрам, а его товарищу и сослуживцу капитану Соколову сломал нечаянно челюсть. Но потом недоразумение исчерпалось совместной работой и мы почти подружились.

– Чем обязан?

– Ты не в курсе новостей по поводу того киллера, которому тебя «заказывали»?

Пару недель назад, когда мы с Лоскутковым заканчивали расследовать дела о серийном убийце и об убийстве хакера, один из моих богатых клиентов посчитал, что я слишком много знаю, и заказал меня киллеру – женщине по кличке Гаврош. Заказчика мы взяли под утро, а киллер пропала. Для выполнения заказа, как мне сказали, она должна была прийти в «Аргус» рано утром и дожидаться там моего появления. Она не пришла. Данных на нее почти не было, если не считать показаний раненного ею же домушника Паши Гальцева. И вообще о таком киллере, как ни трясли менты и фээсбэшники всех своих стукачей, в нашем городе никто не слышал. Пришлось запрашивать федеральный центр.

– Нет.

– Нам пришла шифротелеграмма с ориентировкой на нее. Эта чертова девка, оказывается, давно уже в розыске. Она проходила первоначальную подготовку в лагере «Лакромия» на территории Турции. Этот лагерь специально создавался для людей Хаттаба. Потом дополнительную подготовку со специализацией по городскому террору в лагере ИРА. Ирландцы по этому делу большие мастера. Хаттаб сам оплачивал ее учебу как особо одаренного курсанта. В прошлой чеченской войне Гаврош принимала участие от первого до последнего дня. У нее была собственная диверсионная группа. Ты представляешь, чтобы чеченцами командовала девка?.. Это вопреки законам Востока. И тем не менее это так. Много чего она наворотила, по

телефону и говорить тебе не буду. Но сейчас почему-то в Чечню не спешит, хотя известно, что Хаттаб прислал ей вызов. О вызове известно по агентурным сведениям, но Москва не знала, что Гаврош скрывается в Челябинске.

– Ждет момента свести счеты со мною... – отмахнулся я. Трудно всерьез воспринимать такого противника, пусть даже он и прошел подготовку в «Лакромии» и в Ирландии, пусть даже и повоевал слегка против неподготовленных солдат-первогодков. Я двадцать с лишним лет служил в армии и повоевал побольше. И подготовку проходил многократно, и тоже в прекрасных лагерях под руководством наставников экстравысокого класса. Однако меня почему-то по всей России не разыскивают. И даже из армии за ненужностью выпнули.

– Ты, майор, слишком несерьезно к ней относишься. У нее на счету...

Я перебил фээсбэшника, продолжая собственную мысль.

– А потом, когда меня зарюют и тщательно помянут крепкой водкой и добрым словом боевые друзья из ментовки и ФСБ, она двинет туда, в Чечню, чтобы убивать беспомощных спецназовцев уже там.

– Не шути с этим. Очень, уверяю тебя, скверная баба. Особенно опасна при задержании – так предупреждают, но это, ты сам знаешь, обычная форма. Кроме того, имеются сведения, что она принимала участие в покушении на генерала Романова. Следовательно, брать ее рекомендовано живьем. Можно вытянуть ценные сведения и свидетельские показания.

Я присвистнул. Это уже серьезнее. Романова взрывали вполне профессионально. По крайней мере, организовано все было очень четко, и разведка чеченских диверсантов сработала тогда на «пять с плюсом», тогда как российская контрразведка и охрана командующего достойны увольнения без пенсии.

– Кроме того, за ней числится выполнение нескольких «заказов» в последние годы здесь, в России. Гаврош считается киллером высокой квалификации.

Здесь я уже позволил себе возразить:

– Киллер высокой квалификации не занимается ни взрывами, ни стрельбой из оружия с оптическим прицелом. Это совершенно разные вещи – запомни раз и навсегда. По-моему, вы вешаете на бедную девку все, что не можете раскрыть. – Я потянулся и поставил на край стола стакан, залил в него воду из кипятильника и в ту же розетку, куда у меня включен компьютер, воткнул вилку кипятильника. – Квалификация киллера определяется его умением работать на коротком расстоянии: при наличии охраны, при всех принятых мерах предосторожности со стороны жертвы. Стрелки же и минеры – это киллеры второго сорта. Естественно, и спецы меньшей оплаты. А ты мне расписываешь классного специалиста. Тогда или Романова списывайте на другого человека, или Гаврошу понижайте квалификацию как киллеру.

– Я же не говорю, что она была там одна. Гаврош входила в состав группы, которая готовила покушение. Вот и все. А уже в России она показала то, чему ее учили в лагерях. Только вычислить ее пока не удастся. Мы подключили всех своих стукачей, но никто ее в глаза не видел, кроме двух-трех человек, через которых и проходили для нее заказы. Они молчат.

Я вздохнул, не совсем понимая, чего хочет от меня Асафьев, зачем он приводит мне все эти данные. Только ли по той причине, что меня Гаврошу «заказали»?

– ФСБ хочет нанять меня как частного сыщика, чтобы я принял участие в поисках киллера? Я согласен. Условия ты знаешь.

Однажды я уже заставил их временно принять меня на майорскую ставку. Более того, я умудрился даже вытрясти из них деньги за свою работу.

– Дурак. Она же за тобой охотится.

– Это пока голословное утверждение. Я, конечно, верю человеку, который мне это сказал. Но, очевидно, она не любит работать бесплатно. А Хозяинова мы взяли той же ночью. Он и сейчас еще в СИЗО, суда дожидается. Кто Гаврошу заплатит? Она и не спешит. Да и надобность в убийстве уже отпала. Заказчик все равно за решеткой, свидетельские показания оформлены.

– Мое дело тебя предупредить, чтобы был – мать твою! – осторожен. А дальше сам решай, как себя вести.

– Спасибо, – сказал я. – Извини, но ко мне, кажется, пришел клиент. Пока.

ГЛАВА 2

1

Верткий двухместный джип «Тойота RAV» свернул круто направо и остановился прямо у пешеходного перехода. Вышел водитель. Высокий смуглый человек с узкой талией и широкими плечами. Типичный кавказец. Он осмотрелся по сторонам, окинув взглядом весь тротуар до следующего перекрестка. И только после этого сам перешел к другой дверце и уважительно распахнул ее.

Из машины сначала высунулся костыль и уперся в мокрый после недавнего снега асфальт. Затем неторопливо и тяжело, со старческим кряхтением выбрался человек на одной ноге. Огляделся. Взгляд цепкий и суровый.

– Может, вас все-таки подвезти ближе? – наклонив гордую голову, спросил водитель.

– Нет.

Ответ был короток и предельно ясен. Таким же ясным было и продолжение:

– И не вздумай провожать. Поставь машину вон туда, – инвалид показал на противоположную сторону улицы, – и дождайся.

Он перевел дыхание и закостылял, не оборачиваясь, по улице Энгельса вверх. Асфальт был скользким, и идти ему было трудно. Со стороны было заметно, что человек потерял ногу совсем недавно и еще не привык к этому. Он даже стеснялся инвалидности. А потому старался не смотреть в лица прохожим.

Три встречных милиционера срочной службы – молоденькие ребята в неуклюже сидящей форме – обратили на инвалида внимание. Явная кавказская внешность, традиционная небритость – все это вынудило бы их проверить у человека документы, но инвалидность вызвала сочувствие, и они проводили одноногого долгим взглядом. За самими милиционерами наблюдал водитель «Тойоты» с другой стороны улицы. Он расстегнул куртку, под которой в большой кобуре из толстой кожи держал спецназовский пистолет-пулемет «ОЦ-22», и отстегнул клапан. Но из машины не вышел.

Миновав еще один дом, одноногий свернул во двор и у первого же подъезда присел на краешек скамейки. Переводил дыхание. Потом встал и пошел.

Около следующего дома он свернул к подъезду, протиснулся в дверь, прижатую сильной пружиной, и там уже сунул костыль под мышку, рукой взялся за перила и запрыгал на одной ноге по ступеням. Такой способ передвижения казался ему более быстрым и менее утомительным. Но после преодоления каждого лестничного пролета приходилось отдыхать. Одна нога не выдерживала нагрузки, предназначенной для двух.

На третьем этаже опять оперся о костыль и шагнул единственной ногой к двери слева. Позвонил долгим и требовательным звонком. За дверным «глазком» промелькнула, закрыв его на мгновение, тень. «Глазок» был большой и с широким обзором. Дверь распахнулась без вопросов, и инвалид шагнул за порог. Сказал тихо:

– Здравствуй, Гаврош.

– Заходи, Муса. Здравствуй.

Женщина пропустила вошедшего и прислушалась к звукам в подъезде. Кто-то поднимался по лестнице почти так же тяжело, как делал это одноногий Муса. И при этом дышал очень громко, хотя и не прыгал, как инвалид.

Гаврош закрыла дверь и стала смотреть в «глазок».

– Кто там? – спросил гость, но она, не отрываясь от «глазка», показала за спиной раскрытую ладонь – тише. И только когда человек прошел мимо ее двери и стал подниматься выше, прошла в комнату, где гость уже сел в кресло.

– Извини, что не разулся, – сказал Муса. – Мне это трудно делать.

Гаврош, хорошо знающая восточные обычаи, оценила его извинения, понимая, что мужчина вообще-то не должен извиняться перед женщиной.

– Я тебе сделаю чай. Сними пока куртку. Давай, я тебе помогу.

– Нет. Мне некогда. Я только дыхание переведу и пойду. Дела ждут.

Она знала, как тяжело Мусе-взрывнику считать себя инвалидом. Ему, боевому и опытному командиру диверсантов. Но операцию делать пришлось. В последние годы, особенно во время войны, когда приходилось совершать длительные и стремительные, но изнуряющие переходы, чеченца сильно донимал склероз. А когда после окончания боевых действий он смог немного передохнуть и съездить в Россию, чтобы обследоваться, ему предложили немедленную операцию. Болезнь обещала скорый переход в стадию самовозбуждающейся гангрены – перспектива почти что безысходная. Операцию сделали. Сосуд заменили на искусственный, который не захотел прижиться. В результате через полгода нога была ампутирована. Но Муса духом не пал. И свою работу боевика решил заменить деятельностью организатора. Именно для этого он и приехал на Урал. Именно здесь и делали ему последнюю операцию. А маскировка для диверсанта получилась идеальная – Муса это понимал.

– Так ты принес мне вести? – спросила Гаврош. – Или мне уже не дожидаться их? Я могу закончить все дела здесь за неделю и уехать. Хаттаб давно прислал мне вызов. Сам знаешь, какая там обстановка.

Муса залез в карман и молча достал сложенный вчетверо, слегка помятый лист бумаги. Протянул хозяйке. Та развернула и рассмотрела крупную надпись, сделанную затейливой арабской вязью.

– «Слушайся его, так распорядился Аллах», – перевела она и снова сложила лист. Но назад не отдала, положила на стол, до которого Муса с кресла дотянуться просто не мог.

– Поняла?

Взгляд горца спокоен и слегка высокомерен.

Она кивнула.

– Да. Это рука Хаттаба.

– Сомнений больше нет?

– Я выполняю приказ. И теперь ты мой командир, – сказала с уважением, но в голосе ее не чувствовалось ноток подчиненного. Во время прошлой войны в Ичкерии она сама командовала диверсионным отрядом. То есть была равным с Мусой человеком.

– Я слушаю тебя. Есть новые задания?

– Пока нет. Я только это тебе привез. Но через два дня к тебе вечером заедет человек. Джабраил. Ты его знаешь. Пойдешь с ним. Будет совещание. Приготовься. Волкам нужен твой лисий ум и твое знание местности.

– Я буду ждать. – Гаврош кивнула.

Когда Гаврош закрыла за горцем дверь и вернулась в комнату, она взяла со стола записку Хаттаба, разложила ее на диване и включила утюг. Когда утюг нагрелся, записка была с нажимом проглажена.

Остальная надпись, выполненная химическим термосоставом, показала новый приказ.

«Наблюдать за Мусой. Если он не справляется, ликвидировать его и взять команду группой на себя».

Гаврош улыбнулась. Она была уверена, что Муса не справится. И эта записка будет приказом для всей группы. Поэтому ее необходимо сохранить как важный документ.

Гаврош прошла во вторую комнату, сунула руку под подоконник и выдвинула его. Под подоконником был хорошо замаскированный сейф.

2

Дверь приоткрылась без стука как раз в тот момент, когда я заканчивал разговор с майором Асафьевым.

Эффектная женщина лет тридцати с небольшим, которую я увидел в широкую щель, держала себя так, словно она в кабинет совсем и не заглядывала. Она просто стояла против приоткрытой двери и смотрела на меня. И вообще у меня создалось впечатление, будто бы это я сам дверь открывал, чтобы женщину увидеть. И мне вроде бы даже как-то неудобно стало от того, что я за ней почти подсматриваю.

Вот так должна, по моему скромному понятию, вести себя настоящая светская дама, то бишь львица. Впрочем, я никогда на приемах в королевских домах не был и не видел настоящих светских львиц.

– Проходите, если вы ко мне, – сказал я как можно приветливее и улыбнулся настолько мило, что просто не мог, как мне казалось, ее не очаровать.

Женщина вошла походкой породистой кобылицы, чуть небрежно выбрасывая в сторону бедро из-под полы, шубу на ходу расстегнула и села в кресло для клиентов, сразу спрятав свой довольно высокий рост.

Я смотрел на нее молча, с любопытством ожидая начала разговора. Она на меня – тоже молча и тоже с любопытством, ожидая непонятно чего.

Прошла минута.

– Слушаю вас!

Мне гостя пришлось, честно сказать, по душе. Но, заметив в ее глазах чуть презрительные зеленые огоньки, недобрые предчувствия я все же ощутил, подумав вдруг – а что, если эта женщина как раз и есть Гаврош? Может быть, правы мистики, когда уверяют, что мы просто не обращаем внимания на идущие к нам из космоса предупреждения в виде зайцев, попадающих на глаза едущему на дуэль Пушкину, или черных кошек, перебегающих дорогу Есенину при возвращении в гостиницу «Англетер», или звонков по телефону от майора Асафьева некоему частному сыщику.

Тут вовремя закипела вода в стакане.

– Извините. – Я встал к ней боком, чтобы выключить кипятильник и положить в стакан ложку чая, и в это время незаметно отстегнул клапан на поясной кобуре. Теперь мне нужно всего секунду, если не меньше, чтобы достать оружие. Кроме того, если я готов к сопротивлению, я могу опередить многих тренированных соперников как раз за счет того, что они не знают о моей готовности.

– Моя фамилия Широкова.

– Очень приятно.

– Вам ничего не говорит моя фамилия?

Она, показалось мне, очень удивилась. Я, грешным делом, прикинул в уме популярных актрис и певиц, но такую фамилию не вспомнил. Если бы встречался с ней по какому-то расследованию, тогда она – с такой-то внешностью и манерами – наверняка оставила бы в памяти след.

– Нет. Извините. Не помню.

– Мой муж – Юрий Леонович Широков.

А вот про этого я слышал. И даже не один раз. Лоскутков как-то про него рассказывал. Крутой бизнесмен, по которому давно уже плачет камера. Кажется, и от Асафьева какие-то вести о Юрии Леоновиче до меня доходили. Если память не изменяет, господина Широкова подозревали в поставках наркотиков в регион. Но доказать ничего не смогли. Дело обычное: не пойман – не вор!

– Понятно. А чем я могу быть вам полезен?

Она округлила глаза:

– Я не поняла?

Теперь глаза округлил я.

– Это я не понял. То есть я понял, что вы жена Юрия Левоновича Широкова. И вы пришли ко мне... Кстати, как вас зовут?

– Виктория Витальевна.

– И вы, Виктория Витальевна, пришли ко мне по какому-то делу. Вот я и хочу узнать, что это за дело. И только потом я смогу дать вам ответ – берусь за него или нет.

Она явно растерялась. И уверенность светской львицы на секунды дымкой окуталась, и исчезла легкая ирония в изгибе тонко очерченного рта.

– Не понимаю... – повторила она снова.

– Это я уже слышал.

– И вы ничего не хотите мне сказать?

– А я что-то должен вам сказать?

Положение, говоря по правде, становилась слегка комичным. Но осторожность я не потерял. Если это Гаврош, то она прекрасная актриса и расслабила бы в такой ситуации человека менее опытного. А подстрелить расслабленного – что уж проще...

– Вас же нанимали следить за мной?

– Меня? – Я искренне удивился.

– Вас. И не пытайтесь меня убедить в обратном. Я, конечно, понимаю, что у вас соблюдается тайна. Но теперь уже скрывать нечего. Потому что я не жена Юрия Левоновича, а его вдова.

– Вот как? Примите соболезнования.

– Вы не знали?

– Нет. Мы же не были с ним знакомы. Просто я про него слышал от кого-то.

– Интересно получается...

– А что случилось с Юрием Левоновичем?

– Он попал в аварию. Как раз когда поехал на встречу с женщиной, которая вас нанимала.

– Меня давно уже не нанимала никакая женщина.

– Правда?

– Правда.

Она опять растерялась, но сомнения все же остались. И бедная Виктория Витальевна просто не знала, как продолжить разговор.

– Объясните, – попросил я. – Вы пришли ко мне высказать какие-то претензии...

– Я не понимаю...

– Я понимаю еще меньше. Расскажите, в чем суть проблемы. Может быть, вместе нам будет легче разобраться. Давайте попробуем...

– Три дня назад Юрий Левонович вернулся с работы раньше обычного...

3

Виктория Витальевна пила кофе, курила и читала одновременно книгу, удобно устроившись в кресле-качалке из филиппинской лозы. У них на кухне вся мебель была плетеная. Дачный стиль. Но очень удобный и в городской квартире. Особенно – кресло-качалка, любимое ежедневное место хозяйки. А уж полный стиль выдержать и подобрать для интерьера все остальное соответственно она сумела. Даже стилизованную посуду.

От окна сильно подуло, наверное, на улице переменился ветер, и Виктория Витальевна встала, чтобы закрыть форточку. И в этот момент она услышала, как торопливо вставляется в замок ключ. Глянула на часы – так рано вернулся муж? Обычно Юрий Левонович приезжал позже часа на три-четыре. И не сам открывал – звонил. Она отложила книгу и вышла в прихожую.

Он не вошел, он ураганом ворвался в квартиру. Такого вообще с ним никогда не было. Он от природы нетороплив и тяжел, как слон.

– Ты дома? – В слегка хриплом голосе Широкова слышалась откровенная угроза. И внешний вид просто пугал: плащ распахнут, пиджак расстегнут, узел галстука расслаблен, и сам галстук сдвинут набок. Оторвана «с мясом» верхняя пуговица сорочки. И это при том, что он постоянно следил за собой...

– Где же мне еще быть?

Он фыркнул по-лошадиному.

– Одна? – Широков не спросил, а взвизгнул, срывая голос и теряя обычную хрипотцу. Когда он волновался, доставшийся от отца армянский акцент пробивался наружу явственно и голос становился выше, базарнее.

– А кто здесь может быть еще?

Она искренне удивилась и тону, к которому не привыкла, и гневу мужа, который не понимала.

– А когда ты с ним встречаешься?

– С кем? – Она нахмурилась в непонимании.

– И где встречаешься?

– Да с кем же?

Он по-звериному зарычал, поднял руки и шагнул к ней. Виктория Витальевна в испуге вскрикнула и отступила в кухню. Муж очень даже напоминал злополучного шекспировского мавра. И даже цветом кожи – лето они провели в Испании и отлично оба загорели. Он, смуглый от природы, загар не потерял до зимы.

– Я задушу тебя... Как последнюю подзаборную шлюху... Стерва... Задушу...

– За что? За что? Что с тобой? Что случилось? – И она вдруг заплакала, прибегнув к испытанному женскому средству.

И даже закрыла лицо руками, но сквозь пальцы внимательно наблюдала за каждым движением мужа.

– Лучше сама сознайся. Что за Владимира ты себе нашла? Чего тебе со мной не хватало? – И он тоже заплакал, почти по-женски, навзрыд.

Виктория Витальевна вздохнула спокойнее. Ни о каком Владимире она не слышала. Среди ее более-менее близких знакомых нет человека с таким именем. Не то чтобы она не знала за собой греха. Но это всегда было так аккуратнo, что никто не мог ничего заподозрить. Да и последняя встреча с любовником была у нее почти полгода назад. И был это не постоянный человек, а так, случайное развлечение... С того дня много воды утекло. Попробуй – докажи! Да и звали того Славой. Значит, ситуацию срочно нужно поворачивать в противоположную сторону. Это каждая женщина умеет делать искусно.

– Какой еще Владимир... – Она театральнo-искренне возмутилась и перешла от защиты к нападению. – Тебе кто-то на меня наговорил, а ты и рад поверить... Ты всегда только повод ищешь, чтобы меня унижить... Уволил с работы и запер дома, чтобы унижать... Если бы я тогда еще знала, что ты за человек...

Он с силой ударил кулаком по косяку и второй рукой тут же схватился за кулак – должно быть, сделал себе очень больно. Но физическая боль, смешавшись с болью душевной, его только сильнее разозлила.

– Мне позвонила сегодня женщина и сказала, что ты путаешься с ее мужем, что он уже на развод подавать собирается, чтобы на тебе жениться...

– Да что за глупости!

– Ты меня обманываешь! – Он истерично, как баба, завизжал. И противно забрызгал слюной. Юрий Левонович всегда брызгал слюной, когда возбуждался. А возбуждался он, в соответствии со своим полуюжным темпераментом, часто. Странное сразу создавалось впечатление. Спокойный, невозмутимый, солидный. И вдруг – взрыв эмоций и натуральный визг. Такого никто от него не ожидал и, столкнувшись впервые, терялся. Он же становился неуправляемым.

– Отстань ты от меня со всякими глупостями! – Она научилась с ним общаться за восемнадцать лет совместной жизни. И знала, что произойдет сейчас, когда она сама начинает атаку. Знала, что муж вдруг почувствует себя виноватым и начнет просить прощения.

– Глупости? – Юрий Левонович на удивление все еще не унимался. – Ладно, пусть сегодня это будут глупости. Но только сегодня. А завтра эта женщина принесет мне фотографии. Тебя с этим Владимиром. Вот тогда ты по-другому заговоришь...

И он надулся, как воздушный шар. Потом вдруг спохватился и почти бегом пронесся в комнату, в другую, в третью, всю квартиру осмотрел и вернулся назад. Неужели считает ее настолько глупой и кого-то ищет здесь? Слава богу, что слесаря вызывала на прошлой неделе, а не сегодня. А то бы...

– Какие еще фотографии? – Она тоже начала уже злиться по-настоящему. – Ты сам себя унижаешь, всем людям показываешь свою дурость... И главное, главное – было бы из-за чего. Я вообще ни о каком Владимире не слышала. Нет у меня таких знакомых. Со школы не было.

– Это твой одноклассник, да? – вдруг взревел он, вспомнив, наверное, что месяц назад Виктория Витальевна ходила на встречу одноклассников.

– Я вообще не знаю, о ком ты говоришь. И успокойся. Поверь мне, – сказала она уже твердо. – Вот принесут тебе завтра фотографии, и ты увидишь, что произошла какая-то ошибка. И мне жалко ту ревнивицу, которая своего мужа фотографировала. Я представляю, что ей пришлось пережить при этом.

– Она сама никого не фотографировала. Она наняла частного сыщика из детективного агентства «Аргус». Сыщик Толстов Сергей Иванович. Он вас выследил, он и сфотографировал.

– О-шиб-ка! – членораздельно произнесла Виктория Витальевна, в такт слогам избивая сжатым кулаком воздух перед грудью мужа. – Ошибка. Ты понимаешь это? Подожди только до завтра, и тогда успокоишься. И смеяться еще будешь над своими подозрениями.

Она хорошо знала своего мужа. И видела в глазах у него надежду, что это и правда ошибка. А если появилась эта надежда в глазах, значит, все пройдет нормально. Значит, доживет он до завтра и вечером опять приедет раньше. Повезет ее в магазины, захочет подарок сделать, чтобы вину искупить.

На следующий день он не пришел раньше...

* * *

– Ему позвонила какая-то женщина, – рассказывала слегка раскрасневшаяся Виктория Витальевна. – Это секретарша мне так сказала, и после этого Юрий Левонович уехал. Не взял

ни водителя, ни охранника. Он никогда раньше от охранника не отказывался. А тут... И машина угодила под трамвай. Прямо в кабину трамвай въехал. В него...

Теперь она слегка побледнела. Должно быть, от воспоминания. Я с трудом могу себе представить, что осталось от водителя, если трамвай въехал прямо в кабину. Мясорубка должна получиться жуткая. И словно в подтверждение моих слов женщина добавила:

– Хоронили его в закрытом гробу. Вчера только...

Я помолчал, давая ей собраться с мыслями и отойти от воспоминаний.

– Какая марка машины?

– «Лексус».

– Цвет?

– Белый. Зачем это вам?

– Я загляну в ГИБДД, наведу там кое-какие справки. Хочу со свидетелями поговорить.

Расспросить. Он был один в машине?

– Нет. С ним была какая-то женщина. Но она утверждает, что просто «голосовала» неподалеку и он посадил ее, чтобы подвезти.

– С ней все в порядке?

– Сотрясение мозга, небольшие травмы, ушибы... А что вы хотите выяснить?

– Насколько случайным было это происшествие.

– Менты говорят, что он сам виноват. Хотел развернуться и не посмотрел влево...

Слово «менты» выглядело чужим в ее лексиконе. Очевидно, нахваталась от мужа.

– Они обычно смотрят так, чтобы на них лишних хлопот не повисло. Любят спокойную жизнь, оттого и идут служить в милицию.

– И вы думаете?..

– Пока я ничего не думаю. Думать можно будет только тогда, когда появятся документы и факты. Пока же я делаю вам сугубо деловое предложение. Это стоит совсем недорого, поскольку не займет много времени. Два дня работы, чтобы найти, сопоставить и проверить все факты, отыскать и опросить свидетелей. Вы согласны?

Хоть небольшая, но работа. Только для поддержания штанов. Хотя Лева Иванов рассчитывал на большее.

– Согласна. Только я хотела бы поставить вопрос шире. Надо найти ту женщину, которая звонила ему...

– Это уже сложнее. На это я беру неделю срока.

Она кивнула:

– Хорошо. Был бы толк.

– В таком случае пройдите в бухгалтерию и оплатите. Это по противоположной стене коридора третья дверь от меня. После этого покажите мне корешок приходного ордера. Но давайте договоримся сразу: если у меня будет результат... То есть если я найду какие-то факты, позволяющие думать о неслучайности ситуации. В таком случае мы продолжаем поиск?

– Да. Конечно...

– Но тогда это будет уже стоить дорого. Если ситуация создана искусственно, у сыщика возникает опасность для жизни. Понимаете?

– Да.

– Соответственно военным нормам, где служба в «горячих точках» засчитывается год за три, здесь оплата увеличивается тоже втрое.

– У меня нет проблемы с деньгами. Наследство после Юрия Леоновича будет оформлено, как по закону полагается, только через полгода, но у меня свой счет в банке. А кроме того, я теперь автоматически становлюсь единственной владелицей его фирмы. Так оговорено в учредительных документах. До этого я числилась соучредителем. Дела у фирмы идут хорошо. Я в состоянии оплатить и большие расходы.

– А чем фирма занимается?

– Мы торгуем импортной мебелью из натурального дерева. У нас несколько магазинов в городе.

– Прекрасно. Тогда у меня сразу возникает вопрос. В последнее время в поведении мужа вы не замечали странностей? Нервничал он, или еще что-то... Может быть, необычные звонки домой...

Она задумалась.

– Знаете, – сказала через минуту, – пожалуй, он был излишне напряжен. И звонки были. Ему обычно часто звонят. И все деловые разговоры. Ежедневно. Из разных городов. Юрий Левонович имел обширные деловые связи. Еще с советских времен. К нему это, как наследство, от отца перешло. Тот тоже был деловым человеком. Как правило, Юрий Левонович просто командовал, распоряжался, что и как сделать. Он сам по себе очень энергичный был человек, хотя внешне и малоподвижный. Но очень работоспособный, мог сутками делами заниматься. А недавно я сняла трубку сама. Звонил кто-то с явным кавказским акцентом. Юрий Левонович долго слушал молча, я это заметила, потому что обычно такого не бывает, а потом резко сказал, чтобы больше по этому поводу к нему не совались. Впрочем, он же сам наполовину армянин. И ему часто приходилось иметь дело с кавказцами. Они находили общий язык.

– Больше таких звонков не было?

– Нет. Звонков не было. По крайней мере, если и были, то не я трубку брала. Но вот еще что. Пару недель назад он сказал мне, чтобы я дверь никому незнакомому не открывала. Вообще никому незнакомому. Даже если слесарь придет, которого не вызывали, или кто-то представится, что с телефонной станции.

– Вы спросили почему?

– Конечно. Он сказал, что пошла волна ограблений. Квартиры крупных предпринимателей грабят.

– Это все?

– Да. Если что-то вспомню, я позвоню вам.

На всякий случай я протянул ей новую визитную карточку. Сам только вчера сделал ее на компьютере и размножил на принтере. Мне показалось, что получилось лучше, чем стандартные карточки агентства. Все-таки я вложил в это творение частицу себя.

Она тоже выложила из сумочки визитку.

ГЛАВА 3

1

С ГИБДД у меня дружбы нет. Наверное, потому, что я не слишком дисциплинированный водитель. Поэтому выходить на их следственный отдел лучше всего тоже через майора Лоскутова. Я посмотрел в окно, за которым начало темнеть, и решил, что это делать следует уже завтра. А сегодня, чтобы уважить мента и обязать к ответной услуге, мне необходимо навестить Леню Проханова.

Рабочий день подошел к концу, но Леня, насколько мне известно, нигде не работает и мирно пропивает скудную подполковничью инвалидскую пенсию. Навещать его можно в любое время, Леня будет только рад. Особенно если прихватить с собой кое-что горячительное.

Я ловко улизнул от вопросов Левы Иванова, который, заглянув в бухгалтерию, конечно же, скорчит гримасу, обнаружив, что оплата со стороны клиентки пока не соответствует его ожиданиям.

– Мне тут срочно надо одного человека отыскать по просьбе Лоскутова, – сообщил я охраннику. – Если Лева поинтересуется моей особой, так ему и скажи. Может быть, я еще успею появиться сегодня, но это едва ли.

Машина прогрелась довольно долго и тронулась с места со скрипом. К вечеру слегка подморозило, и дорога стала скользкой. Поэтому я ехал осторожно вдоль трамвайной линии исключительно во втором ряду, памятуя недавно рассказанную историю и близко к трамваю не приближаясь. По дороге заскочил в магазин.

Леня жил в спальном районе города, на самой окраине, в доме с окнами, смотрящими на березовую рощу. Это красиво, но далеко, и потому я бы лично здесь скучал.

Поставив машину на небольшую стоянку недалеко от подъезда, я осмотрелся. Двор как двор, каких сотни в городе. Громадный квадрат, окруженный десятиэтажными «скворечниками» – это только место, через которое проходят на работу и с работы. Вот я иду к подъезду, и никто не знает – живу я здесь или пришел к кому-то в гости. Может быть, я вообще убийцманьяк и выискиваю себе здесь очередную жертву.

Я усмехнулся, поймав себя на том, что начинаю мыслить ментовскими стереотипами. Видимо, тесное знакомство с ментами накладывает свой отпечаток и на мою сугубо армейскую натуру. Но все равно, ностальгия по тесным и людным дворам детства всегда посещает меня при виде дворов в новых городских районах. Однако прошлое уже не возвратишь.

Лифт, когда я нажал кнопку вызова, загрохотал не хуже моей машины, хотя и значительно уступает ей по возрасту. Сама кабина оказалась грязной и полутемной, с многочисленными следами попыток поджога пластиковой облицовки. Я поднялся на восьмой этаж. Полгода назад у Лени была грязная и полуразбитая дверь. Сейчас стояла металлическая, обшитая облагороженной обжигом фанерой. Мелькнула мысль, что подполковник Проханов переехал если и не в мир иной, то на другую квартиру, а перепроверить частный сыщик сдуру не удосужился. Я даже остановился от такой расстраивающей меня мысли. Но позвонить и проверить я все же был обязан.

На первый звонок никто не отреагировал. Только вдали послышалось легкое шевеление. Как если бы где-то в глубине квартиры передвинули стул. Я позвонил еще дважды, а потом и трижды. И уже собрался вернуться к лифту, когда услышал за дверью инвалида-подполковника ругань и металлический звук. Если ругань, то, значит, это он. Лене было, очевидно, несподручно открывать замок одной рукой. Это действительно, наверное, трудно, особенно если рука сильно дрожит.

Дверь распахнулась настежь.

– Привет, старина!

Он всмотрелся в меня:

– Привет, заходи...

Леня изобразил гостеприимные объятия. Я вошел и сразу почувствовал запах свежего перегара и еще чего-то кислого.

– Проходи, проходи...

Хозяин включил в коридоре свет, чтобы дать мне возможность раздеться и разуться. И только тогда я хорошенько рассмотрел его. Правая половина лица подполковника напоминала по цвету спелый баклажан.

– Любиешься? Ну-ну...

– Кто это тебя?

– Потом расскажу. У меня сейчас гость. Пойдем, выпьем. Ты с собой не захватил?

Я протянул пакет, который Леня ловко зажал коленями, чтобы внутрь заглянуть. На закуску он почти не посмотрел, но бутылку достал с одобрением.

– Порядок... Проходи...

Кажется, бутылка стала в этой квартире рассматриваться как пропуск на особоохраняемый объект.

Я осмотрелся.

Признаться, полгода назад его квартира выглядела победнее. Сейчас и мебель в прихожей появилась, и шторы на дверях. Даже создавалось впечатление уюта. Чувствовалась женская рука.

– Хозяйка-то дома? – скромно поинтересовался я.

Жена его, честно скажу, мне не нравилась. Она пила вместе с Леной и даже больше его. Это вообще, мне кажется, мало кому нормальному и пьющему в меру может понравиться.

– Нету. В Москву за товаром уехала. Она ж у меня торговка. А... Ты же не знаешь... У меня же сейчас другая. Ту я давно выгнал.

– И правильно сделал, – не удержался я от одобрения.

– Какая на хрен разница. Взял сдуру на семнадцать лет себя моложе. Эта тоже не лучше...

Вообще по мне бы лучше одному жить, а они липнут, заразы...

Мы вошли в комнату.

За круглым столом под люстрой сидел с потупленным взором краснолицый молодой священник. Его «форменная» шапочка сиротливо валялась, помятая, на соседнем стуле. Борода священника была всклокочена, словно хозяин таскал за нее гостя, но волосы на голове были расчесаны на гладкий и ровный пробор.

– Знакомьтесь. Майор Толстов. Отец Артемий.

Священник поднял на меня красные воспаленные глаза и оторвал тяжелый зад от стула. Протянутую руку он пожал вяло, почти по-женски.

– К тебе, Леонид, гость, так, может, я пойду...

– Сиди, свинья жирная, а то бороду по волосу повыдергиваю... Не все еще выпито. Этот гость у меня редкий, и его мне совесть не позволит заставить работать. Так что ты уж потрудись.

Священник послушно сел. Проханов тут же примостился прямо на его шапку. И показал мне культей на свободный стул. Я сел, сунул под стол ноги. Раздался стеклянный звон. Отогнул угол большой скатерти. Две пустые бутылки из-под вина. Еще одна полупустая на столе.

– Возьми в серванте стакан. – Подполковник привык командовать. Правда, когда мы служили вместе, я был старше его по званию. Он позже успел меня обогнать. Если бы не реформы в армии, то я был бы уже, пожалуй, полковником. Выше в спецназе ГРУ не прыгают. У нас и всем спецназом полковник Манченко командует. Такая уж должность. Кому-то генералов дают за сидение в финансовых и в строительных частях, а боевым – не положено.

Я принес себе стакан и только тут обнаружил, что на столе стоит только один – перед хозяином.

– А он?.. – Я кивнул в сторону священника.

– Переживет. Он сегодня у меня «штопором» работает. Вот твою бутылку откроет, посидит еще, подождет, глядишь, мы надумаем новую взять. Если не надумаем, то я его отпущу с богом.

Вообще-то я уже уловил настроение Проханова. На него напал кураж. На это всегда приятно полюбоваться. С одной стороны, я был и не против подыграть ему, с другой – хотелось поговорить, пока он совсем не опьянел. Хотя, насколько я помню, в выпивке подполковник что молодой дубок. Крепок чрезвычайно. Со взводом пехотинцев потягаться может.

– Я вообще-то к тебе, честно говоря, по делу. Может, отпустим отца Артемия?

– А ты знаешь, кто это вообще такой? – у Лени начался завод. Я заподозрил, что он скоро обвинит молодого попенка в чем-нибудь несусветном.

– Откуда мне знать...

– Тогда я сам тебе представлю. Это любовник моей новой жены.

– Ну что ты, Леонид... – попытался поп возразить.

– Молчать, когда старшие по званию говорят, – рявкнул подполковник, выпрямляясь на стуле. – Представляешь, был в нашем ЖЭКе то ли слесарь-сантехник, то ли слесарь-гинеколог, я так и не разобрал. Молодой, но пьяница. Унитазы прочищал и на бутылку за это с хозяев стрясал. Потом поступил в какое-то поповское училище, месяцев семь или восемь отучился и стал попом. Теперь его можно звать исключительно отцом Артемием. Иначе он обижается. И в благословении, зараза, откажет. Вот я и зову. Исключительно уважительно...

Леня налил себе и мне, поднял стакан:

– Ну, с богом... – и опрокинул в рот быстро, как перед атакой.

– Чин-чин, за спецназ, – выложил я запоздалый тост.

– И представляешь, этот вот, еще когда слесарил, еще когда от него на неделю вперед дерьмом пахивало, к моей под юбку все лазил. Она сама рассказывала. Да и теперь все в гости зайти норовит. Особенно когда меня дома нет. Я же сейчас по ночам дежурю через двое суток на третьи. Устроился тут рядом. В детский садик. Я вот спрашиваю у отца Артемия, зачем ходит, а он и сам не знает. Поговорить, наверное, на богоугодные темы. Знаешь, как они любят духовные беседы. Ох и любят... А я потом прихожу, а мою бутылочку припасенную уже кто-то выжрал.

Он налил еще.

– А недавно вот рассказывала одна подруга жены. Пришла она в церковь на исповедь. Исповедь! Понимаешь? Таинство и прочее... Душу человек открывает. А там стоит очередь. Друг друга в спину толкают. И этот преподобный хрен исповедь принимает полулежа на скамейке. Встать не может. С вечера не оклемался... Что прикажешь с таким батюшкой делать?

– А что с ним надо делать? – Я уже понял, что надо дать Лене выговориться.

– Воспитывать. Вот он сегодня пришел якобы ко мне. На самом деле просто не знал, что моя уехала. Попросил на бутылку до понедельника занять. Я его и послал в магазин. А теперь заставил сидеть и смотреть, как пьют настоящие мужчины.

Ситуация мне понравилась. Но...

– Отпусти его с богом... – попросил я и поймал благодарный взгляд священника. – Очень уж мне его морда надоела.

– Понял. А ты – понял? – Убедительный взгляд в сторону попа. – Мотай, холера, отсюда... По случаю прихода хорошего гостя я сегодня добрый. Следующий раз у меня появишься, твоей бородешкой унитаз чистить буду.

Бедный отец Артемий так и сорвался со стула.

– Чепчик не забудь. – Подполковник достал из-под своего костлявого зада измятую шапочку и выбросил в коридор.

Отец Артемий не стал, похоже, вызывать лифт и, как бегемот, затопал бегом вниз по лестнице.

– В магазин понесся... – изрек пророческим тоном Леня.

– У тебя, господин подполковник, – засмеялся я, – появились садистские манеры. Человек, наверное, с похмелья мучился, пришел к тебе с чистой душой, а ты его...

– Мне просто горько. За жизнь такую горько. За всех горько. И за тебя тоже горько. Как тебя из армии выбросили? Командира одного из лучших батальонов – и под сокращение с чьей-то дурной руки. И за себя обидно. За что, спрашивается, я руку потерял? Для кого старался, страдал? Для чего жизнью рисковал? Чтобы эти малограмотные ублюдки за мой счет жили? И других бы заставляли жить, как им удобно?

– Что ж, я тебя понимаю, – согласился я. – Справедливости в жизни и мне хочется.

– А кто их настоящей жизни учить будет, кроме старого опытного вояки... Не в ихнем же училище... – Леня не мог уняться, пока рука не дотянулась до стакана. И только опорожнив его, перевел дух.

– Вижу, какой из тебя учитель получился... – мне было откровенно весело. Так весело, что и я еще выпил, хотя знал, что возвращаться придется за рулем.

– Учитель... – вдруг, в противоположность моему веселью, помрачнел подполковник и потрогал синюю щеку. – Учитель, мать ее за ногу...

– Это тебя кто – не ученики случайно? – поинтересовался я снова. – Или воспитанники детского сада, в котором дежуришь?

Он вдруг рассмеялся совсем трезво. Быстро умеет Проханов переходить от мрачности к веселью. И иногда мне кажется, что он умеет трезветь усилием воли.

– Все равно не поверишь.

– Расскажи. Вдруг да...

– И смех и грех, честное слово. Сижу дома, никого не трогаю. И даже, представляешь, не выпил, на дежурство вечером надо было заступать. А к работе я, как к службе, строго... Звонок, значит, в дверь. Открываю. Стоит девчонка...

2

Замок ставили те парни, которым новая жена, едва появившись в этой квартире, заказала металлическую дверь. И они, естественно, подумать не могли, что ставить надо такой, с которым легко мог бы справиться одорукий человек. Однако жене требовался замок повышенной секретности. Товар, которым она торговала на базаре – кофточки, юбки, блузки, – хранился дома. Вот такой заковыристый замок и поставили. Снаружи-то еще ладно – открывается двумя ключами, но, по крайней мере, строго последовательно, без суеты и напряжения. Один ключ повернул, потом другой. Главное, если сильно пьяный, не спутать, каким ключом пользоваться первым, каким вторым. А они очень похожи. Изнутри же требовалось отжимать одновременно две пружины. Культя подполковника с трудом и с болью втискивалась в промежуток между рычажком, который следовало отжимать, и металлическим же усиленным косяком. Здоровой левой рукой приходилось поворачивать дверную ручку. При этом руки держать крест-накрест, что тоже не всем удобно.

И потому каждый звонок в дверь в то дневное время, когда он оставался дома один, вызывал у Лени тяжелый вздох и легкий мат. Если по пустяку ломятся, то уйдут, туда им и дорога, а если кто по делу пришел, тот еще не раз позвонит, не сломается – такое он завел себе железное правило сразу после установки новых металлических дверей.

Так же все произошло и при *этом* звонке.

При первом он снял с дивана только одну ногу. При двух последующих обе ноги вставил в тапочки. И только после трех настойчивых встал и пошел к двери, по армейской привычке длинно и со смаком ругаясь. Эта ругань обычно и не дает визитеру сразу уйти – она почти как вежливое светское приглашение.

Подполковник провозился с замком долго. Распахнул дверь, не спрашивая и не заглядывая, как жена, в «глазок» с обзором в сто восемьдесят градусов. А что ему туда заглядывать? Он был уверен, если это кто-то с недобрыми намерениями, то уж бывший спецназовец и с одной рукой сумеет за себя постоять. Такое уже случилось однажды на улице возле магазина. Трое попытались отнять у него бутылку. Он их отправил в больницу с тяжелыми переломами.

Сейчас перед подполковником оказалась девушка лет двадцати с небольшим. Может быть, и постарше. В обыкновенной спортивной куртке, в вязаной простенькой шапочке.

– Вам кого, моя симпатичная? – спросил Леня галантно и испытал желание шаркнуть ножкой. Девушка была чертовски хорошенькой.

– Мне нужен подполковник Проханов. – А вот голос у нее низкий и серьезный. Очень даже деловой голос, располагающий только к строгой беседе.

– Заходите. Он, кажется, дома...

И посторонился, пропуская гостью.

Куртку и шапку девушка снимать не стала, только расстегнула на куртке замок, разулась – показывая всем внешним видом, что она ненадолго, – и прошла в комнату. И даже не обернулась, когда увидела, что там никого нет. Подполковник не удивился этому. Как старый разведчик, он понял – гостья знает, что Проханов инвалид. И поняла, естественно, что дверь ей открыл сам хозяин, предпочитающий выражаться не всегда одинаково понятно.

– Присаживайтесь. Слушаю вас очень внимательно.

Она улыбнулась почти лукаво:

– Я пришла поговорить с вами о вашей жизни.

Этого Леня не понял. И подумал, что такой разговор с ним может быть только на одну тему. Он же на эту тему разговаривать не любил и в общество трезвенников записаться желания не проявлял.

– А вы кто, простите за нескромность, сами по себе будете? Председатель общества инвалидов войны восьмьсот двенадцатого года или заместитель начальника вытрезвителя по воспитательной работе?

– Меня зовут Мария, – видимо, по ее мнению, имя заменяет и должность, и все остальное.

– Очень приятно. А меня зовут Леонид.

Что-то в манере поведения гостя начало раздражать.

– Леонид Игоревич, – она сразу показала, что знает анкетные данные подполковника, – как вам вообще живется по нынешним временам? Пенсия, насколько мне известно, у вас не генеральская. Да и ту приносят, наверное, с большими задержками...

– Девушка, моя хорошенькая, прежде чем задавать такие вопросы, вы все-таки потрудитесь представиться. Имя у вас красивое, доброе, традиционное имя, годное для любого телесериала, но оно мне, вот честное слово, ровным счетом ничего не говорит. Так кто вы такая, Мария? И что привело вас ко мне?

– Я по образованию журналист. Работала некоторое время в газетах и на радио, но едва ли пользовалась популярностью. Сейчас – начинающая писательница. Хочу писать детективы и боевики о сильных людях. О таких, как вы. О том, как и чем вы жили раньше, и о том, что с вами сделала нынешняя власть.

– А что она с нами сделала?

Подполковник всегда считал, что право критиковать тоже надо заслужить. Хотя бы возрастом, если больше нечем. За молоденькой девчушкой он этого права пока не признал.

Она с ответом замешкалась.

– Вы пришли для долгого разговора или только на два слова? Если побеседовать и порасспросить меня, тогда разденьтесь. Выпивки я вам не обещаю, сегодня мне на работу, а вот чаем с вареньем напою.

Мария улыбнулась и прошла в прихожую раздеться. Вернулась она в спортивном зимнем костюме, сама вся спортивная и подтянутая.

И невольно подумалось, что его дочь от первой жены сейчас такого же возраста и, наверное, тоже спортивная, если унаследовала что-то от папы. Только ростом, в соответствии со своими генами, должна бы быть повыше.

Леня подогрел чайник, чай для гостя заварил специально свежий, достал из холодильника банку с вареньем. Мария несколько раз пыталась ему помочь, но он с такой работой справлялся и одной рукой.

Чай пили на кухне.

– Трудно вам?

Леня понял, что это начало разговора и разговор упорно сводится к одному.

А в принципе что ему скрывать?..

– Да, мне нелегко. Но это не оттого, что нынешняя власть такая. Власть – она одинаковая для всех. И большинству сейчас трудно. Мне же особенно, но по собственной моей причине. Я привык быть сильным и деятельным. Я воин не только по профессии, но и по внутреннему своему содержанию. Но воином в силу своей инвалидности быть уже не могу. И потому болезненно переживаю ломку, пытаюсь перестроиться под новые условия, хотя это мне удается плохо. Я во сне войну постоянно вижу, потому что она впиталась в меня, пустила корни...

– А вы не искали возможности применить свои знания и умения в настоящей действительности?

Леня горько усмехнулся.

– Пытался. Пошел в школу охранников. Предложил услуги и опыт. Посмотрели сначала документы, а потом только глянули на это, – он поднял культю, – и послали подальше даже не извинившись. Сказали, что школа с преподавателями-инвалидами, даже самыми опытными, только потеряет авторитет. А для них авторитет – это деньги, возможность зарабатывать.

– А кто там работает в этой школе?

– Козлы...

– А по профессии?

– Бывшие менты. Которые сами ничего не умеют. Я предложил им провести испытательный рукопашный бой с ихним преподавателем. Они посмеялись и попрощались. Я задал им несколько вопросов о том, как устанавливаются взрывные устройства на автомобили. Прощались еще раз, уже настойчивее и с раздражением.

– Почему?

– Потому что я спрашивал их о том, чего они не знают. Их никто не обучал настоящей охранной деятельности. А значит, такой охранник может охранять объект только от случайно заглянувшего туда пьяного. Спецы в такой школе не нужны.

– Хорошее у вас варенье. Ароматное...

– Жена варила.

– Вы руку в Ичкерии потеряли?

– Нет. В Чечне.

– Вы видите в этих названиях разницу?

Он посмотрел на нее совсем нехорошо.

– Естественно. Чечня – это республика в составе России. А Ичкерия – это название выдуманно теми, кто не хочет знать Россию.

– Не любите чеченцев? – Вопрос прозвучал почти как укор. Но – очень важный вопрос. Он обратил внимание на тон, которым его задавали. Только не понял, почему этот вопрос важный. На чеченку девушка не похожа. Или просто такая вот интернационалистка по характеру?

– Вовсе нет. Со мной в училище чеченцы служили. Мы даже друзьями были. Они и сейчас, насколько я знаю, в Российской Армии. Оба уже в полковниках ходят.

– Вы заканчивали Новосибирское училище спецназа?

– Нет. Рязанское десантное.

– А все-таки, Леонид Игоревич, какой осадок оставила в вас та чеченская война? Поражение всегда больно бьет по самолюбию военного человека.

Он нахмурился. Задела-таки за больное. Хотя это-то как раз и не сложно. Наверное, это у всех журналистов профессиональное – задавать больные вопросы. Впрочем, если говорить только о гладком да мягком, то получится никому не интересная статья.

– Я и до армии и в армии занимался спортом. И знаю, что от поражения никто не застрахован. Но та война сначала была сплошной глупостью, а потом сплошным предательством. Политики развязали ее, не понимая, что армия не готова, а потом эту же армию предали.

– Но ведь говорят, что армия всегда должна быть готова... К любым неожиданностям...

– Для неожиданностей есть специальные части. Те, которые находятся на постоянной службе. Скажем, пограничники, или ПВО, или войска стратегического назначения. А в остальном армия является только продолжением и частицей общества, которое она обязана защищать. Каково состояние общества, таково и состояние армии. Если вы вот отправляетесь в поездку на поезде, вы же не забудете что-нибудь взять с собой в вагон перекусить, потому что в ресторане слишком дорого. Вы приготовитесь. А нас послали в Чечню абсолютно не подготовленными. А потом еще и предали.

– И вы за это злитесь на чеченцев?

А в ее голосе он уловил сарказм. Она берется рассуждать. Но чтобы рассуждать, надо испытать.

– При чем здесь чеченцы... Чеченцы, ангольцы, афганцы, никарагуанцы – какое мне дело до того, с кем воевать. Я солдат, которому приказывают. А противник – он всегда остается противником, как его ни называй и какой национальности он ни будь. Я злюсь на предателей. А предают, как известно, только свои.

– Хорошо, тогда, извините уж, еще один острый вопрос. О нынешней чеченской войне.

– Я в ней не участвую.

– Я понимаю, – характера Марии тоже не занимать, и она умеет на своем настоять. – Но к этому вопросу мы вернемся чуть попозже... Сейчас вышло уже много книг о ваших войсках – о спецназе ГРУ. И каждый автор старается показать, что спецназ ГРУ – это супервойска, но, случись что-то с бойцом во время операции, его добивают свои же. То есть спецназовцы ГРУ, по сути дела, – почти смертники.

– Девушка, миленькая, – рассмеялся Проханов. – Плюньте в глаза тому автору, который это пишет. Начитались вы всяких «Аквариумов», написанных хитрецом для идиотов. И не только о спецназе ГРУ, о любых войсках специального назначения. Как правило, это пишет человек, который к войне и к спецназу никакого отношения не имеет. И просто рассчитывает поживиться на сенсации. По сути, как вы говорите, дела – он просто глуп. При таких условиях ни один боец не захочет воевать, поверьте уж мне. Я много войн прошел. И много раненых видел. И многих на своем горбу вытаскивал. И меня вытаскивали. Тащили однажды, кстати, тридцать километров по колумбийской сельве, где и одному-то пройти – уже проблема.

– Вы воевали и в Колумбии?

– Я много где воевал, но об этом я разговаривать не буду. В отличие от тех писателей, которые все знают. А то недавно вот открываю книгу. Боевик. Главный герой, естественно, спецназовец. А автора представляют как офицера. И на первых же страницах читаю, как кто-то там достал револьвер и начал размахивать пистолетом. Автор не видит разницы между пистолетом и револьвером. Извините, я не могу поверить, что это офицер. И такие псевдоофицеры врут про спецназ черт-те что...

Мария улыбнулась. Почти торжествующе улыбнулась. И Проханов понял, что она услышала именно то, что хотела услышать.

– Тогда – обратите внимание на мой вопрос! – возникает понятие воинского братства. Спецназ ГРУ воюет в сверхсложных условиях. Следовательно, если быть логичным, то у спецназовцев это чувство братства развито особенно сильно? Сверхсильно...

– Да. Согласен.

– Но, когда с нашей армией проводили эксперименты, многих боевых офицеров сократили. И сейчас судьба разбросала их по свету. Кто-то в Югославии, кто-то в Абхазии, кто-то во французском иностранном легионе, кто-то в Ичкерии... В чеченских, заметьте, отрядах, которые называются нашей пропагандой бандформированиями.

– В чеченских отрядах? – переспросил Леня, чуть растерявшись от провокации. Но быстро взял себя в руки. – Может и такое быть, потому что все мы люди и стараемся делать то, что умеем делать лучше всего. Значит, те, кто воюет на стороне чеченцев, нашли там применение своим способностям.

– Вы их осуждаете?

Он горько усмехнулся и сказал не совсем уверенно:

– Нет. Они работают по своей профессии. И они сами сделали свой выбор. Не сумели приспособиться к нашей жизни и пошли туда, где они что-то могут. Может быть, даже ценят. Это тоже немаловажный фактор. Особенно для специалиста высокой квалификации. Вы поймите... Если музыканту где-то не дают играть, если где-то не признают его талант, то он ищет себе другую публику. Точно так же и высококлассный солдат. Точно так же...

Ее глаза вдруг резко сузились. Мария посмотрела прямо и жестко. Она почти ударила взглядом.

– А вы смогли бы так?

– Не знаю... Что говорить о невозможном... Сейчас я никому не нужный инвалид. И живу на свою унижительную пенсию. Сейчас единственное, на что я способен, – это охранять по ночам детский садик.

– Расскажите об этом тем людям, которые попытались отобрать у вас бутылку вина возле магазина.

Оказывается, Мария прекрасно осведомлена о многих эпизодах его жизни. Может быть, и еще что-то знает.

Мария отодвинула чашку с недопитым чаем и выпрямилась. И Проханов вдруг понял, что весь их предыдущий разговор, такой для него самого болезненный, был совершенно ничем. Что только вот сейчас они подошли к главному. По взгляду ее понял это.

– Я пришла к вам с официальным предложением от чеченской стороны.

– Что?..

Он растерялся и заморгал глазами так часто, что Мария даже улыбнулась. Наверное, это в самом деле выглядело смешным, но подполковнику было не до смеха.

– Мы предлагаем вам место инструктора в лагере подготовки боевиков. Вы будете получать ежемесячно по две тысячи долларов. Но это только для начала. В дальнейшем возможна персональная надбавка. Все зависит от того, как вы себя покажете.

– Ми-илая... – протянул Ленья.

– Что? – Она встречно спросила жестко, почти по-мужски. Точно так же, как смотрела. И Ленья понял, что с возрастом гостыи он ошибся минимум на пять лет. А если брать опыт этого и подобного разговоров, которые – он не сомневался уже – происходили и с другими спецназовцами, то можно и еще пару лет набавить.

– В прошлую чеченскую войну на моих глазах произошел интересный случай. – Голос подполковника стал мягким и воркующим, словно он с ребенком капризным разговаривал. – Тогда сильно донимал нас чеченский снайпер. Голову высунуть опасно было. Столько хороших красивых парней погубил... И ребята из челябинского отряда ОМОНа устроили на снайпера охоту.

Он замолчал, давая ей вникнуть в ситуацию.

– Поймали?

– Поймали. И очень даже удивились. Это оказалась всем им знакомая девушка, землячка. Ее портрет висел в спортивном комплексе «Динамо», где омовцы тренируются. Она была в свое время известной биатлонисткой, в сборную страны входила.

– И что же?

– Ее просто изрезали на куски...

– К чему вы это рассказываете? Ваш лагерь будет находиться далеко за пределами России.

И там, уверяю вас, никто вас не изрежет.

– Я не о том.

– О чем тогда? – Мария разговаривала с ним тоном генерала, ставящего задачу рядовому. И сомнения у нее не возникало в стремлении старого вояки снова повоевать. Тем более что при этом можно было бы и неплохо заработать. Своей любимой профессией заработать, а не сторожа по ночам детский сад. Что можно придумать лучше? И можно ли от такого отказаться?

– О том, что у меня есть желание сделать то же самое с вами. Я не кровожадный, но в этом желании честно сознаюсь. Я весьма сожалею, что угостил вас чаем. Мне варенья стало жалко. Убирайтесь отсюда к чертовой матери, и побыстрее...

Он сам чувствовал, что «закипает», а это могло иметь тяжелые последствия.

Но Мария оказалась не из пугливых. И взгляд сохранила насмешливый. И речь у нее стала насмешливой:

– Вы не боитесь неприятностей?

– Нет.

– Напрасно. Мы способны их вам доставить. И сделать из волкодава кроткого ягненка. Для этого есть много способов. И вы даже предположить не можете, насколько вы в действительности уязвимы и беспомощны.

Подполковник встал:

– Я обычно не люблю людей, которые поднимают руку на женщину. Меня мама когда-то воспитывала именно так. Она говорила, что женщину даже цветком нельзя ударить. К тому же рука у меня всего одна-разъединственная, и жалко будет ее запачкать. Но я сейчас, если вы немедленно не уйдете, просто возьму вас за шиворот и вышвырну из квартиры.

В запале он даже забыл, что единственная рука нужна ему для того, чтобы дверь открыть.

Мария встала и молча, неестественно прямая, прошла в прихожую. Леня дал ей время одеться и обуться и вышел следом. Она открыла дверь и на пороге замерла, обернулась.

– А все-таки вы зря так в себе уверены...

– Что вы мне можете сделать... – зло усмехнулся Проханов. – Убирайтесь...

Мария вдруг сделала разворот наподобие балетного па с согнутой в голени ногой – коридор слишком узок для замаха, – а закончила его почти балетным батманом. И ее каблук угодил ему в место соединения челюсти с черепом.

Он отключился сразу и не слышал, как презрительно хлопнула закрывшаяся дверь.

ГЛАВА 4

1

Утром я проснулся на матрасе, расстеленном на полу возле теплой стены – какой-то дурак придумал прятать батареи отопления в стены и отапливать улицы, с тех пор и отапливают, не жалея средств, – и с беспокойством вспомнил, что машину на платную стоянку я так и не поставил, хотя собирался с вечера. Вчера мы оба решили, что в таком состоянии, в каком пребывали с подполковником, мне лучше не ехать домой, где меня никто, даже кошка, не ждет.

С трудом продрал опухшие глаза, я ринулся в прохановскую кухню, откуда из окна можно было рассмотреть двор. Моя «птица-тройка» съезжилась на морозе, который подступил совсем некстати, и словно бы даже колесами перебирает, как замерзшая лошадь копытами стучит. За ночь на крыше вырос небольшой горбатый сугроб. И сейчас свежий снег светился под фонарем, что искусственной луной висит на бетонном столбе. Вчера, помню, я умышленно ставил машину под этот столб, чтобы ее было лучше видно сверху. Надо бы спуститься и включить двигатель – прогреть, но не оставишь же «старушку» внизу работающей.

Я вернулся в комнату. Леня тоже проснулся и сел на кровати. Если бы не последствия визита прекрасной незнакомки – результатом чего и стала опухлость физиономии, – никогда бы не подумал, что он с вечера прилично «нагрузился». Но, сколько его помню, он всегда такой. И почти никогда с похмелья не болеет. И все помнит, что вечером было.

В отличие от своего неожиданного и довольно редкого гостя, то бишь частного сыщика Толстова Сергея Ивановича, выполняющего конфиденциальное поручение некоего майора городского уголовного розыска. Кстати, насчет поручения...

– Так о чем мы с тобой вчера договорились?

Одеваться мне не надо было, потому что спал я в том, в чем к нему пришел, но, чтобы привести одежду в порядок, надо было все-таки собрать с нее перья, которые налипли на меня со всех сторон.

– О чем договорились? Ни о чем мы не договаривались... – Подполковник с утра суров. – Ты спрашивал про мой коронный удар. Не знаю я никого из живых, кто так бьет. И я так с левой не смогу. Если потренироваться годик, то, может быть, что и получится. Ты похмеляться будешь?

– Нет. Мне сегодня работать. Если хочешь, могу тебе бутылочку взять.

– Мне тоже вечером на работу. Переживу.

– А насчет твоей чеченки – следует подумать. У меня есть кое-какие мысли. Вполне вероятно, что эта Мария и за мной охотится.

– То есть? Хочет тебя завербовать?

– Меня «заказали» женщине-киллеру по кличке Гаврош. В назначенное для акции время она не пришла. И мы зря готовились. Я не думаю, что она отступилась. Наше местное ФСБ запрашивало Москву. Гаврош воевала в отряде Хаттаба и даже командовала диверсионной группой. Два представителя боевиков в нашем городе, и обе женщины – это, мне кажется, слишком. Я пришло, пожалуй, к тебе Асафьева...

– Это кто такой?

– Майор из ФСБ. У него красивый шрам на лбу – я оставил, так что узнаешь сразу. А в остальном он мужик толковый. Может быть, сможешь с ним вместе сделать фоторобот.

Проханов смачно зевнул и потянулся:

– Присылай. Я с семи вечера сегодня заступаю на дежурство. Или пусть раньше появляется, или уж завтра. Как ему удобнее. Днем я никуда не пойду. А лучше бы вместе завтра завалились. После работы можно было бы и «принять» за знакомство и сотрудничество.

– Хорошо. – Я закончил, как птица, «чистить перья». Ох и нелегкая это работа в моем состоянии. Теперь я понимаю, почему птицы не пьют. Впрочем, в моем состоянии любая работа нелегкая. Но ничего – на воздухе проветрюсь и, может быть, поумнею. – Ты сам продумай варианты, как можно эту девку достать. Она ничего тебе не обещала?

– Только, стерва, пригрозила. А потом «накатила». – Леня осторожно потер щеку. – Ох, попадись она мне. Я же, сам понимаешь, не ожидал от девки такого поворота. И даже не смотрел на нее. Но въехала она мне классически, и главное – очень точно. Ладно, что вспоминать. Пойдем, чайку на дорожку попьем...

Я посмотрел на часы. Пора было уже и ехать, чтобы успеть заскочить домой, хотя бы душ принять и явиться в агентство в нормальном виде.

– Нет. Только простой воды...

Мы зашли на кухню. Я выпил два стакана воды из-под крана, слегка подумал, и выпил еще два, и торопливо двинулся в коридор.

– Ты свой телефон забыл... – гремя чайником о раковину, крикнул с кухни Леня.

Я обувался нагнувшись и чувствовал трубку в кармане куртки. На всякий случай проверил – не глюки ли с похмелья начались? На месте трубка.

– Моя при мне... – сказал я тихо и сам насторожился, чувствуя, что в ситуации не все ясно. Насколько я понимаю, трубки сотового телефона не умеют размножаться почкованием.

Подполковник появился в дверях. В руке у него тоже была трубка сотового телефона. Я достал свою, и мы непонимающе, но уже серьезно глянули друг другу в глаза, осмысливая ситуацию.

– Отец Артемий оставить не мог?

– Да он и в кухню не заходил. К тому же вчера вечером, уже после его ухода, я готовил закуску. На столе трубки не было. А сейчас лежит. На самом видном месте.

– Интересно...

– Спецназовцы хреновы... – выругался Проханов. – Мудаки последние... Проспали все к хренам собачьим. Как самих не передушили в темноте? Кто бы раньше сказал, что я допьюсь до такого состояния, в рожу бы плюнул. Но я-то каждый день принимаю. А ты-то как?

Я молча, хотя и с замиранием сердца, проверил пистолет, который перед сном отстегнул вместе с кобурой с пояса и переложил в карман куртки, а саму куртку оставил на вешалке. Пистолет на месте, обойма полная – это я по весу определяю. Но... Но...

Но как-то не так лежала рука в рукоятке.

– Пить козлам меньше надо... – Подполковник не унимался и в бешенстве размахивал единственной рукой. Я даже побоялся, что он себя ею ударит. Говорят, монахи Шаолиня могут убивать себя за совершенный грех собственной рукой. Леня, кажется, и к этому готов.

А я попытался лихорадочно сообразить отупевшей головой – что же не так с моим пистолетом, почему рука чувствует неудобство? И только потом решил проверить. Достал из внутреннего кармана разрешение на оружие и сличил номер оттуда, который запоминать никогда и не стремился, с номером на пистолете.

...В кобуре у меня оказался чужой пистолет.

И это что-то может значить. Только что? Кому нужна такая подмена, ради чего она?

Мои мысли прервала телефонная трель. Незнакомая трель. Слишком звучная. Не моего телефона. Леня нажал кнопку и сказал осторожно, но вежливо:

– Слушаю, мать вашу...

Трубка с регулятором громкости. Я пододвинулся к подполковнику, дважды нажал пальцем на верхнюю часть круглого регулятора и «вытянул» по возможности свое ухо, чтобы тоже что-то услышать.

– Папа... – сказал плачущий женский голос. – Папа, это я. Они меня увезли... Папа...

– Аллю! – рявкнул Проханов.

Голос удалялся, понятно было, что трубку вырывают из рук. Слышался издали и посторонний голос, резкий, грубый, но слов разобрать было нельзя.

– Аллю, с-суки...

– Ты слышал, подполковник? У тебя нет другого пути. Я даю тебе на раздумья сутки. Через сутки тебе еще раз позвонит дочь. Постарайся, чтобы это был не последний ваш разговор.

Голос с явным кавказским акцентом.

И сразу послышались короткие гудки.

– Вот так. – Подполковник поднял на меня свои темно-синие глаза, тяжелые под низко опущенными бровями. – Придется крепко подумать... Ох, крепко... И как бы я не додумался до чего-то нехорошего для них...

Он вдруг присел, словно боль в теле ощутил или усталость небывалая на него навалилась. Но, хорошо зная Проханова, я понял, что он не сломался, не занервничал. Он так собирает волю и концентрирует мысли.

– Да, – согласился я. – А майор Толстов на очереди. За тобой следом.

Жесткий взгляд подполковника Проханова уперся в меня.

– Каким образом? – не сразу понял он. – Они знают, где твоя дочь? Впрочем, раз мою в Уфе достали, то...

– Может быть, и знают. Только не такие они простофили, чтобы дважды по одному сценарию действовать. Ждать, мне кажется, следует другого.

– Чего?

– Мне ночью подменили пистолет. Это, – я показал «ПМ» из своей кобуры, – чужое оружие.

– Паленый «ствол»? – Леня соображает быстро.

– Скорее всего.

– Ты вчера вечером водку где покупал?

– Первую бутылку в магазине, когда сюда ехал. Потом, когда добавляли, магазин уже был закрыт, брал в киоске на остановке.

– Подсунуть что-нибудь не могли?

– Откуда же я знаю... Я вообще в ваших краях впервые покупаю. Продавала молоденькая девчонка. Кто-то там у нее в киоске еще сидел. Я видел из-за занавески мужские ноги. Он водку и подавал. Но кто там был и как я мог ждать с этой стороны угрозу?.. Думаешь, снотворное?

– Очень уж крепко мы спали. И быстро вырубались. У меня и сегодня голова кружится. Как правило, такого не бывает. Похоже, водка была с клофелином. Обычно его используют.

– Да. Визит мы прозевали. – Идет охота на спецназ?

– Похоже. И именно по этой причине Гаврош пока не подстрелила меня. А фээсбэшники с ментами ломают голову – как и почему я еще жив? А ларчик просто открывался. Началась жесткая вербовка. «Ствол» подсунули...

– Этот «ствол» мог уже быть засвечен где-то. Таких по России знаешь сколько гуляет...

– А если в сам момент засветки меня не было в том месте? За мной же не вели длительную слежку. Может у меня быть на тот момент алиби? Нет. Им нужно было сработать наверняка. И из моего «ствола» стрелять не стали, потому что на ихнем точно должен быть старый след. Хотят совместить старое и свежее. И звонят в ментовку. Сообщают о том, кто убийца и где его искать.

– И чего тебе теперь ждать?

– Значит, следует ждать момента, когда на меня навалятся ребята из группы захвата и обвинят в убийстве. Обычно все проходит так. Подваливают в гражданке. Человека четыре-пять. Выдрессированы все они по бездарному стандарту. И сначала бьют, а потом предъявляют ордер на арест. Когда уже сопротивления оказать не можешь.

– На чем может быть основан расчет чеченов? Если тебя возьмут, то ты для них пропал.

– Значит, они достаточно хорошо меня знают. И предполагают, что я не позволю себя взять. В самом деле, представь ситуацию. Иду я по улице, а на меня вдруг бросается группа ребят. И я даже не могу предположить, что это менты. Что я делаю?

– Лапки вверх, я думаю, не поднимаешь. И ребятам этим я не завидую.

– Вот и все. А потом чечены мне объясняют, что я в розыске. И как после этого доказать, что я не верблюд? Куда податься? Они и предлагают вариант.

– Но ты сегодня в таком состоянии, что вполне можешь и прозевать первый удар. Завалят, как ягненка, а потом будет поздно.

– Согласен. И они, наверное, так же подумали. Значит, сегодня подляны ждать не следует. Настучат завтра или послезавтра.

– Логично. Контрмеры?

Узнаю подполковника. Строго и по-военному. Нет ни паники, ни вырывания волос с задницы.

– Я думаю, следует пойти у них на поводу...

– Я тоже так думаю.

Он меня понял.

– Я обговорю этот вопрос с кем надо...

2

Дым «косяка» сладкий и липкий. От него немножко душно, хотя привычка к такому запаху давно уже въелась в кожу и не всегда раздражает сознание.

– Форточку открой. – Сам Муса никогда «травкой» не баловался, даже в молодости, но своим подчиненным это не запрещал. Они мужчины, и мужчины должны решать все за себя сами. Кроме того, многие курили, чтобы снять напряжение еще тогда, в прошлую войну. Тогда это очень было им нужно – успокаивало и давало ощущение собственной силы. И сейчас избавиться от привычки просто не могут. Но крепкие наркотики в своем окружении Муса не признает. Попадется человек на том, что колется, значит, места ему рядом не будет. Пусть уходит куда глаза глядят. Хоть в линейные бойцы, там «уколотых» много. Там вообще все можно, потому что жизнь там приравнивается к стоимости одного патрона.

Джабраил молча поднялся с табурета и открыл форточку. Он не расстается с Мусой с девяносто четвертого года, когда тот подобрал его семнадцатилетним пацаном-сиротой и стал воспитывать из него солдата. Как из сыночек воспитывал раньше, так и из него. И он всегда готов выполнить любое приказание командира.

Джабраил тоже не курит «травку». Из их группы только Умар прикладывается к «косяку». Подолгу мнет папиросу, стягивает папиросную бумагу вперед и набивает «травку» в освободившееся внутри место. Он приучился к этому поганому делу в зоне, когда еще при советской власти первый срок отбывал. Сейчас Умар сидит на полу, поджав под себя ноги. Взгляд его расслаблен и мысли далеко.

– Так ты уверен, что не ошибаешься?

– Уверен, – отвечает Джабраил. – Я Али хорошо знаю. И он никогда не подведет меня. Мы же в детстве на одной улице росли, тогда еще дружили. Если он сказал, значит, так оно и есть.

– Группа прибыла помимо нас... – размышлял Муса вслух. – И это в то время, когда я очень жду людей и очень в них нуждаюсь. А меня об этом даже не предупредили. И прибыла она в распоряжение Гавроша. А Гавроша передали под мое командование. Значит ли это, что группа должна по инстанции подчиняться мне?

Он вроде бы и не говорит, обращаясь конкретно к кому-то, но ответа все же ждет.

Джабраил сомнений не испытывал:

– Конечно, Муса. Раз вы командир Гавроша, значит, ее группа слушается вас. Хотя им, может быть, и не надо знать о вашем здесь присутствии. Это же простая конспирация. Вы просто приказываете Гаврошу, а она выполняет вместе со своими людьми.

– А ты как думаешь?

Умар поднял невозмутимые глаза:

– Если бы это было так, то Хаттаб тебя самого предупредил бы о прибытии людей. И не она, а ты должен был бы подготовить базу. Должно быть, у группы свое задание. Когда ты сам готовил какую-то операцию, ты разве предупреждал всех своих бойцов об этом? Нет, ты говорил только с теми, кто задействован в деле. Точно так же поступает и Хаттаб.

Муса задумчиво склонил голову, потом потянулся и взял костыль. До окна было всего два шага, и он легко преодолел это расстояние. И долго смотрел на улицу, где собирались низкие тучи, грозя скорым снегопадом. Таким же мокрым и липким, как предыдущие. Но к такому снегу Муса привык дома. На Северном Кавказе всегда такой снег. Здесь, говорят, любят, чтобы был мороз посильнее. Глупые люди, зачем им мерзнуть...

– Джабраил, привези ко мне Гавроша... Когда придет, все выйдите. Я буду говорить с ней один. Мне не нравится, когда мне не доверяют. Пусть даже это будет сам Хаттаб. Я такого не заслужил.

Джабраил поднялся во весь свой почти двухметровый рост. Муса обернулся и залюбовался им. Два его родных сына-близнеца погибли одновременно в девяносто пятом году в бою против русских танков. И сейчас этот парень заменял ему их. Он одного возраста с погибшими. И не имеет родителей. Ему и отойдет трехэтажный дом в Шали – два этажа наверху, один под землей, когда не станет самого Мусы. Так он завещал. А произойдет это скоро. Муса не тешит себя надеждами, он знает, что болезнь скоро возобновится и обретет силу во второй ноге. Понадобится еще одна ампутация. А после нее, как правило, долго не живут.

– Машину оставь на том же месте, что и вчера. Ближе не подъезжай. – При всей своей привязанности к парню, он все же строг с ним, более строг, чем с другими.

– Хорошо, Муса. Я быстро вернусь. – А Джабраил все норовит посмотреть командиру в глаза, как собака, и готов бегом исполнить каждое его приказание. – Главное, чтобы она была дома.

Умар уже успел выпить целый чайник чая, а потом выкурил второй «косяк», когда Муса, так и не отошедший от окна, только взявшийся для устойчивости за подоконник, сказал:

– Едет.

Умар встал и молча вышел в коридор. Муса слышал, как он одевается. Когда раздался двойной звонок, Умар открыл и сказал:

– Проходи. Он ждет тебя.

А сам ушел, закрыв дверь ключом снаружи. Джабраил в квартиру так и не поднялся, видимо, дожидаясь возвращения Гавроша в машине, чтобы отвезти ее назад.

Муса сделал те же два шага до своей табуретки. Сел и со стуком прислонил к столу костыль.

– Здравствуй, Гаврош. Будешь чай?

– Здравствуй, Муса. Спасибо. Пока не хочу. Ты обещал прислать за мной человека только через два дня. Что-то случилось?

– Да. Или почти случилось...

Она вопросительно подняла тонко очерченные подбривые брови. В таком виде Гаврош мало нравилась Мусе. Он больше привык видеть ее такой, какой она была несколько лет назад, – в камуфлированном мужском костюме, с «винторезом» под правой рукой. Она всегда предпочитала «винторез» автомату из-за бесшумности и дальности стрельбы. И свою группу обычно вооружала «винторезами», хотя это и гораздо дороже. Но если командир не боится тратиться на своих солдат, значит, это хороший командир. Такое Муса уважал. Тогда – да, тогда она была настоящим бойцом, опытным и хитрым, отвагой, а особенно всех удивляющей дерзостью превосходила мужчин. А откровенную женщину, молодую и красивую, как сейчас, трудно держать за равного себе офицера.

– В город прибыла новая группа.

– Ты уверен?

Она словно бы и не слышала о таком.

– Да. Под видом строительной бригады. Работу ищут. Я хочу задействовать этих ребят в своей операции.

– А они прибыли в твое распоряжение?

Это уже был вопрос не подчиненного, а свободного офицера, самостоятельного командира. А ведь Муса только вчера привез ей распоряжение Хаттаба о переподчинении на период проведения операции.

– Я знаю, в чье распоряжение они прибыли. И хочу их, как уже сказал, задействовать. Зачем мне вызывать лишних людей из дома?

– Для этого тебе придется привезти мне еще одно распоряжение Хаттаба.

Она умеет говорить категорично. Так категорично, что возражать ей не хочется. Знает себе цену. Но и Муса себе цену знает. Однако он слишком умен, чтобы откровенно спорить тогда, когда можно привести веские доводы и убедить. Даже женщину, как это ни унизительно.

– Это уже невозможно – слишком долго, а у меня не хватает времени. И если мыслить логично, женщина, то получается, что такое распоряжение не нужно. Хаттаб переподчинил тебя мне. Группа прибыла в твое распоряжение. Следовательно, если я отдам тебе приказ, ты должна будешь выполнить его со своей группой.

Он пожелал слегка унизить ее и просто поставить на место, назвав женщиной. Но унизить этим можно только мужчину. Женщину больше унизишь, если назовешь ее мужиком. Потому восточная тонкость Мусы не сильно задела Гавроша. Более того, напор вызвал у нее, как это часто бывает с людьми сильного характера, желание к сопротивлению.

– Ты неправильно трактуешь ситуацию. Эта группа прибыла со своим конкретным заданием. Я специально запрашивала ее для завершения операции, которую начала уже более полу-года назад. Когда они освободятся, я с удовольствием передам бойцов тебе. А до этого не могу ими рисковать. Слишком далекие планы связаны с успехом действий группы.

Муса нахмурился:

– Значит, мне надо вызывать своих людей?

– Я не знаю еще, чем ты занимаешься. Может быть, наши цели сойдутся настолько, что группы можно будет временно слить. Ты можешь сказать мне сейчас, чтобы я подкорректировала свои планы?

– Нет. Завтра соберутся все мои люди и вам будет поставлена задача.

– Хорошо. До завтра.

Гаврош улыбнулась. Она опять улыбалась как равная равному, а не как подчиненный командиру. И это Мусу раздражало. Он чувствовал в этой женщине – вообще не чеченке – скрытую силу и, что уж греха таить, завидовал ей, мечтая подчинить себе, чтобы ощущать себя более значимым. Но никак не получалось добиться этого. А быть более жестким он до поры до времени не хотел тоже. Неизвестно еще, как повернется дело.

– Ты еще что-то хочешь сказать?

– Нет. Это все... Можешь ехать. Джабраил отвезет тебя домой. Скажи ему, я велел...

Она кивнула и вышла. Хлопнула, закрываясь, дверь. А Муса, чтобы не показать перед Умаром, который должен вот-вот вернуться, своего настроения, развернул подробную карту города и стал рассматривать через лупу будущий район активных действий.

Он, как опытный диверсант, не делал на карте никаких отметок. Неизвестно – какие случайности поджидают человека на таком пути, которым идет он. И отметка на карте всегда может выдать что-то случайному взгляду постороннего.

3

Для начала я заехал домой, где тщательно занялся своим туалетом. Душ привел меня в чувство, а пара таблеток аспирина почти сняла головную боль. Осталось только легкое головокружение, слабость и сильная сухость во рту. Скорее всего Проханов прав. В водку был подмешан клофелин. Следовало бы сейчас выпить пару чашек крепчайшего чая, чтобы поднять давление, но чай несовместим с аспирином. Следует подождать хотя бы часик.

По дороге в «Аргус» я решил заскочить в городскую ментовку к Лоскуткову. Дежурный оказался новый, который меня не знал.

– Вы к кому?

– К Лоскуткову.

– Вызывали?

– Нет. Сам сдаюсь.

Дежурный взялся за телефонную трубку и набрал номер. Стал что-то говорить подозрительным шепотом. И внимательно смотрел за человеком, который пришел «сдаваться». Вдруг да передумает и сбежит.

– Фамилия? – догадался спросить в последний момент.

– Толстов.

– Проходите. Он вас уже час ждет.

Лоскуткову не было надобности ждать меня час. Хотя он может и ждать, что я целый месяц потрачу на то, чтобы раздобыть для него явку с повинной подполковника Проханова, специалиста по ударам в район сонной артерии.

– Привет, майор. – Лоскутков, чтобы я по-школярски не подсматривал, захлопнул у меня под носом какую-то папку с бумагами и с фотографиями.

– Здравствуй, майор.

– Нашел?

– Что?

– Не что, а кого. Своего инвалида.

– Лучше бы ты не просил меня об этом.

Надежно и непоколебимо злые рысьи глаза мента обозначили что-то похожее на радость.

– Ну-ну... С чего бы это вдруг такой трагизм?

– А что, по внешнему виду не видно? Тогда попроси Володю чай покрепче заварить. Я вчера как заехал к своему подполковнику, так только утром и выехал. Даже машину на стоянку поставить не смог.

Володя, капитан из отдела, появился из соседней двери, ведущей в смежный кабинет, улыбаясь во все лицо.

– Чай только что заварил. Покрепче сделать?

– Можно вообще одну заварку. Чтобы Лоскуткову не досталось, – сказал я зло. И только после этого сел на привычный стул у стены.

– Рассказывай.

– Нечего мне рассказывать. Сам Леня Проханов в настоящее время не в состоянии нанести интересующий тебя удар. Обещает, что потренируется годик – и сможет наносить его левой рукой. Тогда и жди от него трофеев. И никого в городе, на этот удар способного, он не знает.

Майор помрачнел:

– Не заработал ты чай. И зря, выходит, вчера пьянствовал. Вот какие частные сыщики пошли. Пистолет хоть спяну не потерял?

– А ты откуда знаешь? – спросил я.

– Я серьезно.

Значит, не знает.

Володя принес стакан настоящего чифира.

– Сахар у господина майора. Он нам только под расписку выдает.

– У него допросишься... Я уж лучше без сахара поплюю.

Такой мне был в самый раз.

– Разреши воспользоваться твоим телефоном?

– Попробуй.

Я воспользовался и набрал номер майора Асафьева.

– Привет. Ты сейчас на месте? Есть у меня интересные новости для тебя. Много новостей.

Во-первых, по поводу твоего вчерашнего звонка. Ее зовут Мария.

– Кого? – не понял Асафьев.

– Гавроша.

– Ты ее «достал»?

– Нет. Она, похоже, меня «достала».

– Тогда почему ты еще жив?

– А вот об этом я и хотел с тобой поговорить. Сам удивляюсь. Я сейчас у Лоскуткова.

Он хочет выпить стакан чая и надеется, что ты дашь ему взаймы пачку сахара. Обычно ему хватает одной пачки на стакан. Выручишь?

– Привет ему.

– Я от него выезжаю к тебе. Через пятнадцать минут спустишься на улицу.

– Это срочно? А то у меня дел невпроворот...

– Как пожелаешь... Я только хотел отвезти тебя к человеку, с которым можно сделать фоторобот Гавроша. Исключительно по моей просьбе он выделит для тебя необходимое время.

– Спускаюсь сейчас же. Бросай свою болтовню с ментами и гони сюда. Понял? Это же дело общероссийского масштаба...

– На моей тачке не разгонишься. Жди через пятнадцать минут. Все. Пока.

Я положил трубку.

– А почему через пятнадцать минут? – спросил опытный сыщик майор Лоскутков. – Это значит, ты еще десять минут будешь отвлекать меня от работы рассказами о собственном распутном образе жизни?

– Примерно.

– Кстати, есть что-то на Гавроша?

– Да. Она во всероссийском розыске по линии ФСБ. Наследила и по России, и в Чечне.

– Это легче. Пусть они и ищут.

– Судя по раскладу, тебе тоже придется кое-кого поискать. Дел хватит на всех. Но это будет чуть позже. Может быть, завтра, а может, послезавтра. А сейчас ты не можешь оказать мне услугу?

– Без этого ты разве уйдешь?

– Найти кого-нибудь умного в следственном отделе ГИБДД. Тут на днях трамвай на улице Кирова наехал на белый «Лексус». Я хотел бы поговорить по поводу этого происшествия. Жена погибшего водителя очень волнуется по поводу некоторых обстоятельств.

– Каких обстоятельств?

– Тебе это важно?

– Представь себе, да...

Интересно получается. Лоскутков-то каким боком к этому делу приклеился, как соломенный бычок.

– Куда ни сунусь, везде Лоскутков.

– Что тебя там интересует? И что интересует мадам Широкову?

– Ты даже ее фамилию знаешь... Ну, мозговой центр МВД, а не майор городской уголовки. Так вот, вечером накануне аварии Широков устроил жене скандал. Сцену ревности. Ему позвонила какая-то женщина и сообщила, что Виктория Витальевна тискается с ее мужем и надеется вовсе увести его. Он попытался изобразить из себя мавра, но до конца супругу додушивать не стал. Оставил окончание на следующий день, потому что на следующий день этой женщине должен был принести фотографии нежных свиданий влюбленной пары некий частный сыщик Толстов Сергей Иванович.

– Ты такими делами уже занимаешься? – Выпяченная губа мента чуть не легла на стол. Так он старался изобразить максимально возможное ко мне презрение.

– К несчастью, такими делами я не занимаюсь, хотя предложения подобного рода поступают довольно часто. И если бы я их принимал, то давно уже сменил бы свою «птицу-тройку» на «Лексус».

– Объясни.

– А что тут объяснять. Сказали ему, что я нанят на это дело и должен принести фотографии.

– А ты?

– А я об этом ни сном ни духом.

– А она?

– А она пришла выяснить ситуацию.

– Ничего не понял... – поморщился мент.

– Я не удивляюсь. Если уж сам я тоже ничего до сих пор не понял. И решил разобраться в ситуации. Кто и где меня нанимал и с какой целью. Если нанимали, то пусть заплатят.

Лоскутков долго и сосредоточенно молчал, уставившись прямо перед собой рассеянным взглядом.

– Ты удостоверение «Аргуса» никогда не терял?

– Нет, не терял.

– А паспорт?

– И паспорт не терял. И ничего я не терял.

– Тогда и не знаю, что предположить.

Очень он меня этим удивил. А то я надеялся...

– Я тоже не знаю. Ну что, позвонишь коллегам в ГИБДД?

– Ни к чему, – сказал он. – Все материалы у меня.

– А ты тут при чем?

Лоскутков раскрыл папку, которую от меня прятал.

– Эти двое, – он показал мне фотографии, которые я уже рассматривал накануне, – и вот этот, – теперь на стол была брошена еще одна стопка фотографий (снимки наверняка делал фотограф-садивст. У погибшего Широкова была снесена половина головы), – были близкими друзьями и партнерами по бизнесу. Погибают все трое один за другим. В течение пяти дней.

– Но Широков-то погиб по собственной неосторожности? Так в ГИБДД говорят?

– Так. Ты словно бы вчера родился, сыщик... Не будь наивняком. Они всегда будут так говорить. А мне вот очень хочется проверить, потому что не бывает таких совпадений.

– И мне... – подакнул я.

– На одиннадцать ноль-ноль я вызвал ту девушку, которая была с Широковым в машине. Можешь присутствовать на допросе.

– Если успею разобраться с Асафьевым. Мне хотелось бы самому посмотреть на фоторобот. Все-таки эта киллерша охотится и за мной. Если не успею, то ты дашь мне потом посмотреть материалы?

– Договорились.

– Еще просьба.

– Денег займа не дам.

– Переживу. Машину свою на пару часов выдели. Я буду предельно аккуратен. Боюсь, что моя кое-кому мозоль на глазах натерла.

В этом отношении Лоскутков не жадный, машина – не сахар. Он знает, что езжу я, как правило, без происшествий. Наоборот, происшествие может случиться, если он не даст мне машину.

– Что, за тобой опять кто-то увязался?

– Пока не заметил, но должны были бы, по логике.

– Бери. – Он протянул ключи. – Бензин за твой счет. Заправь. И сильно не гоняй, у меня что-то временами тормоз начал проваливаться. Осторожнее.

ГЛАВА 5

1

Лоскутков прав – асфальт скользкий, движение интенсивное. Приходится за рулем быть очень внимательным. А у меня еще и другая забота. По дороге к областному управлению ФСБ я тщательно следил за всем, что творится позади меня. Для этого даже зеркало заднего вида тщательно протер, чего хозяин транспорта не делал, пожалуй, уже больше месяца – то ли времени у мента не было, то ли просто ленивый он. Но сейчас я остался уверен, что «хвоста» за мной пока нет. И не было, кажется, когда я добирался от дома до ментовки. А это, признаться, странно. Такое неуважение к персоне частного сыщика вызывает у меня только недоумение. И даже слегка обижает. Или они имеют другие способы слежения? Другие источники информации? Деньги, как правило, дают много таких источников. А с деньгами у чеченских волков, насколько я могу сориентироваться в нынешней обстановке, обычно проблемы не бывает. Их финансируют богатые иностранцы, да и сами они не против взять все, что под руку подвернется.

Солдат с ярко-голубыми погонами соскребывал снег с полукруглого крыльца Конторы. Интересно мне знать – есть ли у управления ставка дворника настоящего или его зарплату привычно получает сын коменданта здания? Как раз задача для частного сыщика. Самый, надо сказать, подходящий уровень, хотя и из крутых. Чекисты не любят вообще, когда в их дела суются посторонние, а уж в финансовые тем более. Но я бы за такое дело взялся с удовольствием. Это более безопасно, чем дело, которое без моего ведома и согласия на меня падает. Пока еще только слабый звук доносится и едва осязаемое движение ветерка. Но я опытным ухом альпиниста улавливаю, что где-то вверху начался сход лавины. Что такое попасть под снежную лавину – объяснять надо только ребятам детсадовского возраста. Я ни сном ни духом, а тут – нате вам, получите скандал и распишитесь в получении! – такое в руки и в душу лезет, что не знаешь, с какого конца подступить и кем чувствовать себя – частным сыщиком или «агентом 007». Кашлять хочется, когда знаешь, что Чечня для развлечения на горизонте замаячила.

Майор Асафьев, нехороший человек, опаздывал. Что с него возьмешь – выучка КГБ... Я успел уже две сигареты выкурить, когда он наконец-то появился на крыльце в вальяжно расстегнутой куртке, осмотрелся, отыскивая взглядом мою «тройку», но и лоскутковскую «пятерку» тоже узнал. Заулыбался красным солнышком и махнул мне приветственно рукой. В отличие от ментовского майора майор ФСБ хотя бы внешне старается быть приветливым.

Я открыл дверцу машины. Он сел.

– А что к нам заглянуть не желаешь?

– Пропуск долго оформлять. И неизвестно, кто получает данные из вашего бюро пропусков о визитерах.

– Подозреваешь?

– Предполагаю. Обжегшись на молоке, на водку дуют.

– Ты что, у кого-то «под колпаком»?

Очень пронизательный фээсбэшник.

– Боюсь, что так. А сам «колпак» еще и колючей проволокой, кажется, обмотан.

– Серьезная заява! Выкладывай!

Я выложил. Все, начиная с просьбы мента Лоскуткова отыскать подполковника-инвалида и кончая собственными предосторожностями по дороге сюда. С подробностями. О большой голове, таблетках аспирина и пониженном артериальном давлении. История с сотовым теле-

фоном и подменной пистолета при этом прозвучала просто эпизодом. Незначительной, оттеняющей ситуацию мелочью.

Асафьев кивал в такт моим словам с удовлетворенным вдохновением. Его, казалось, такое дело даже радовало. А я бы с удовольствием поменялся с ним местами. И даже против его собственного желания.

– Что скажешь?

Он посмотрел торжествующе, словно это не я ему шрам на лбу оставил, а он мне.

– Я примерно этого и ждал. Только не знал, что и ты тоже в историю влипнешь.

– Конкретнее, пожалуйста, господин майор. Мне сейчас не до загадок.

– У нас были сведения из других городов, что чечены срочно пытаются развернуть активную вербовку отставных спецназовцев, бывших десантников, афганцев и вообще всех, кто успел где-то повоевать. Они надеются, что на зиму наши войска застрянут в предгорьях, а они к тому времени создадут ударные отряды наемников, которые смогут ударить по армии с тыла, разорвут коммуникации и сплошную линию контроля. И повторится то же, что было в прошлую войну. То есть накроется санитарный кордон, все смешается, и невозможно будет понять, где боевики, а где мирные жители. А в таких условиях они воевать умеют. Это не линию фронта держать.

Я посмотрел на него с легким укором:

– Спасибо. Утешил. Я так понял, что ты уже обеспечил мне прописку в Чечне? И что ты рекомендуешь конкретно? У меня не так много времени на раздумья.

– Я рекомендую пустить дело на самотек.

– То есть?

– То есть согласиться на вынужденные условия. И пойти в «партизаны». У тебя опыт большой, воевать ты умеешь квалифицированно...

– Значит, посылаешь меня партизанить... Но для того, чтобы такие отряды создать и обеспечить их жизнедеятельность, надо время. С чего вдруг чечены взяли, что армия застрянет в предгорье? Я новости по телевизору тоже иногда смотрю, но, похоже, наших уже не останавливать.

– А это боевики собираются обеспечить своими методами. Опыт у них есть.

– Рассказывай.

– Нет. Я как раз и распинаюсь здесь перед тобой для того, чтобы ты мне обо всем этом сам рассказал. Чуть попозже. Когда узнаешь.

– Понимаю. Агентурная работа.

– Ты просто удивительно догадливый человек!

Если бы он знал, что этот вариант мы еще с утра предположили с подполковником Прохановым. И признали его единственным. Но дураками тоже быть не хотим. И все выкладывать перед фээсбэшником я не собираюсь.

– Ты-то ждешь. Но я-то еще не согласился?

– А тебе просто некуда будет деваться. Иначе тебя менты загребнут. И посадят надолго. На зоне не слаще, чем на агентурной работе.

– А если не загребнут?

– Тебя же подставили капитально...

– Подстава сработает в том случае, если я «не замечу» подмену пистолета. А я заметил. У моего рукоятка более отшлифованная, в тир часто хожу и постреливаю. И теперь, думаю, имею несколько путей, чтобы выпутаться собственным умом. Во-первых, просто самостоятельно найти Гавроша и ее людей и с ними разобраться. Проханов мне в этом поможет.

– И завалить этим всю нашу операцию?

Ну, нахал!

– Это так меня трогает... Какое мне вообще дело до вашей операции, когда на карту поставлена моя если не жизнь, то свобода... Во-вторых, я просто от подкинутого пистолета избавлюсь и напишу заявление о потере табельного оружия. А то и напрямую обращусь вместо майора Асафьева к майору Лоскуткову с полными откровениями. Он мужик душевный и поможет с удовольствием. Такое взаимодействие, как ты, может быть, слышал, у нас с Лоскутковым отработано. И дает, кстати, прекрасный результат. Проверено!

Фээсбэшник рассмеялся. В торговом деле он со мной потягаться не в состоянии.

– Хитрый ты жук, майор. Чего хочешь? Выкладывай.

– Я не жук, я волкодав, которого чеченские волки считают ягненком. И пасут, как ягненка.

– Ну-ну... Итак?

– Естественно, трудовое соглашение на майорскую ставку и доплата за звездочки. Ставка, как ты понимаешь, приравнивается к району боевых действий. То есть – тройная! Это справедливо. Иначе какой мне интерес выполнять чью-то работу, получая втрое меньше, чем мои же однокашники, кто еще в армии остался, получают сейчас в тех же краях. А опасности я подвергаюсь даже большей.

Он вздохнул:

– Начальство лбом в стену упрется. Ты же знаешь, какое сейчас финансирование...

Их волнуют вопросы финансирования. Они желают получать соответствующую своей работе оплату. А мне это не полагается? А я рылом не вышел? Просто приятно послушать о таком к себе отношении.

– Ты считаешь, что меня подставили. А если задуматься, то подставили вас и дали вам единственный шанс. И у твоего начальства нет другой дороги, кроме той, что я предлагаю. Я – на майорскую ставку, Проханов – на подполковничью.

– И он на ставку? – Асафьев чуть не задохнулся от возмущения.

– А как же... Нам теперь одному без другого никак не обойтись. И прямо с сегодняшнего дня, как только мы ступили на тропу войны.

Он громко, как стадо глубокомысленных коров, помычал в раздумье. Почесал подбородок и шрам на лбу. Потом ударил кулаком в раскрытую ладонь, словно на обалденный риск пошел.

– А если обратиться в вашу Службу?

– Попробуй, но это обращение должно идти не через нас. Я навязываться к своим не буду.

– Кто у тебя куратор?

– Куратор в городе один. Но называть я его тебе все равно не собираюсь – права не имею, хотя ты и так его знаешь. Но он не сможет решить такой вопрос оперативно. Единственно, тебе следует выходить сразу на Генеральный штаб и через них на ГРУ.

– Далеко хватил. Это знаешь сколько времени займет? И хлопот будет...

– Цель оправдывает твое и мое поведение. А по времени это будет гораздо быстрее. Приказ всегда эффективнее, чем инициатива снизу.

Асафьев опять вздохнул.

– Рискну. К генералу я смогу попасть только вечером. Надо будет заранее подготовить шифротелеграмму в Генштаб.

– Но он может и не согласиться на такое.

– Почему?

– Потому что тогда, в случае удачи, все успехи отнесут на счет ГРУ, чьи офицеры операцию и проводили. А про вашего генерала даже не вспомнят.

– Ты прав. Репутация его очень волнует. Но я все равно предложу ему это как один из вариантов. Пусть тогда или деньги платит, или отдает славу. Логично. Но это будет только ближе к вечеру. А если что-то случится до того? Поторопятся чечены... Как ты себя поведешь?

– А до этого я рассчитываю с тобой не расставаться. В случае чего, будешь меня инструктировать. – Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, самого Проханова тащить в Контору – это значит сразу его засветить и подставить его дочь. А фоторобот Гавроша следует делать где-то на конспиративной квартире. Есть у тебя такая? Чтобы компьютер там был? Только не отбрыкивайся, я знаю твои возможности...

– Есть, но не у меня. Конторская. Не в курсе, свободна ли она сейчас. Заявку надо было сделать вчера.

– Вчера еще волки не родились. А сегодня они уже начинают ягнят из спецназа таскать.

– Ладно. Попробуем. Подожди меня здесь, я схожу к себе. Может, и договорюсь. На какой машине едем?

– На лоскутковской до горотдела, там пересаживаемся на мою, берем пару бутылок во вчерашнем киоске и заезжаем за Прохановым.

– Зачем бутылки?

– А если за его подъездом следят? Мы не должны поднимать никакой суеты. Спокойная, рассудительная ситуация. Мужики похмеляются. Вчера-то как набрались, а...

2

Я тормознул у киоска рядом с трамвайной остановкой, где вечером покупал водку. Машина по скользкому асфальту прокатилась еще метра четыре лишних, чуть не въехав в стоящую впереди вишневую «девятку». Но на этот раз бог миловал.

– Я угощаю, – протягиваю Асафьеву деньги. – И на закуску что-нибудь подыщи.

Он уже отошел, когда я, обернувшись, заметил внутри самого киоска какое-то активное движение. Асафьев подошел к окошку, постучал костяшками пальцев. Ему не открыли. Тогда он обошел киоск сбоку. К двери направился. И с кем-то там разговаривал. Я видел только спину майора. Беседа длилась слишком долго для обыкновенной покупки.

Вернулся он без водки и даже без закуски.

– Гони лучше в магазин. – Что там произошло? – спросил я, уже догадавшись по его лицу, и повернул ключ в замке зажигания.

– Пистолет действует. Только не знаю какой – твой родной или тот, что тебе подсунули. Короче, сегодня ночью застрелили продавщицу киоска. И забрали-то всего несколько бутылок водки. Говорят, что видели ночью здесь двух пьяных мужиков. Один в камуфлированной форме.

– Он случайно не однорукий?

Вот уже все и началось. А я-то ждал какого-то интересного и нестандартного решения. А все так просто.

Но почему же тогда за мной нет «хвоста»? Это неприятно. И это не вяжется с логикой событий. Зачем им подставлять еще и Проханова? Они и так уже захватили в заложники его дочь. Смысла привязывать его к убийству нет. Только нервы потрепать? Или поперли со всех сторон так, чтобы бедный инвалид не знал, куда деться?

Двойная атака? Напор?

Волки готовы утащить ягнят к себе в Чечню.

Волки торопятся.

– Из кого ты сведения выкачал?

– Там участковый вертится. Следственная бригада уже уехала, а этот все вынюхивает. Хороший мужик, дотошный. Мое удостоверение дважды пересмотрел – нормально и вверх ногами.

– Кто в киоске был?

– Сменная продавщица и владелец.

– Кто рассказал про однорукого?

– Кто-то видел. Мент обошел всю сторону ближайшего дома. Все квартиры, у кого окна на киоск выходят. Кто-то из жильцов сказал.

Я резко затормозил. Моя «старушка» таких финтов не любит и потому сразу заглохла. Пришлось заводить заново и включить заднюю передачу.

К счастью, майор Асафьев немного не дотянулся лбом до стекла. Иначе заработал бы еще один шрам.

– Что случилось?

– Иди, спроси своего участкового... Тот, кто говорил про однорукого, – не священник случайно?

– Это тот, который «штопор»?

– Возможно. Дело в том, что я вчера один ходил за водкой. Леня дома оставался. Ему одеваться долго. И этого отца Артемия я видел издали. Он меня, можно предположить, тоже. Если это тот попенек, то я ему сегодня же глаз на задницу натяну. Рассчитаться так с Леной решил...

– И сорвать нам операцию... – мрачно добавил Асафьев. По его мрачности я догадался, что склочнику не поздоровится. И никакая ряса его не защитит.

Майор вышел, чтобы еще раз поговорить с участковым. Я тоже решил послушать, полюбопытствовать. Асафьев тоном, не терпящим возражений, предупредил мента, чтобы тот мер пока никаких не принимал. Скоро прибудет ему подмога, которая все возьмет на себя.

– Подмога уже уехала... – устало сказал тот. – И взвалила на меня весь опрос.

– Подъедет следственная группа ФСБ. А пока посмотрите за тем, чтобы из киоска не ушла ни одна бутылка. За хозяином приглядывайте и сам киоск не покидайте. И забудьте про однорукого. Это не тот вариант. Я точно знаю.

Мент глаза поднял и посмотрел с откровенной тоской. Кому, как не бедному участковому известно, что кто-то сверху всегда дает команду, кого трогать можно, а от кого следует держаться в стороне.

Асафьев его взгляд понял.

– На однорукого священник наговорил?

– Да. Отец Артемий.

– Так вот, этот однорукый – подполковник спецназа ГРУ, инвалид чеченской войны – спустил пьяницу-попа с лестницы. И тот теперь мстит ему. Конечно, следственной группе вы все показания передайте, и они разберутся сами. Но священника можете хорошенько предупредить...

– Кулаком между смиренных глаз... – подсказал я.

Мы поехали дальше. В магазине водка, надо полагать, без клофелина. И тем не менее мы взяли пару бутылок, хотя бы для того, чтобы продемонстрировать возможному наблюдателю их наличие.

– Телефон у Проханова только тот, сотовый?

– Дом еще не телефонизирован. Кабель подводят второй год. Думаю, к середине будущего века справятся. А что ты хотел?

– Сотовым подполковника пользоваться опасно. Сейчас куча приборов, которые могут конкретную трубку контролировать. Надо откуда-нибудь еще позвонить, чтобы это убийство взял к себе наш следственный отдел. И водку в киоске пусть проверят хотя бы выборочно на клофелин. Откуда могла взяться такая бутылка?

Я с гордой улыбкой залез в карман и протянул ему свою сотовую трубку.

– Обзавелся? Молодец. А моя служебная в кабинете лежит без действия. У управления денег нет сотовики оплатить. А ты – тройной тебе оклад...

Я человек стойкий – не такое переносить приходилось – и не отреагировал на упрек.

Асафьев позвонил. И долго обрисовывал ситуацию, давал указания, что и как сделать. С одного звонка объяснений на половину моей месячной зарплаты. А он еще пытается доказать мне, что я зря требую с управления тройной оклад. Да после таких служебных разговоров мне надо просить, чтобы и их оплатили...

Въехали во двор. Я поставил «тройку» в то же «стойло», то есть под тем столбом, где она уже ночевала. Асафьев понес водку, как транспаранты когда-то носили на первомайскую демонстрацию. С чувством гордости и высокого достоинства.

На удивление, подполковник открыл нам почти сразу. Без повторных звонков и без сопутствующего комментария. Вид Лени не обещал ничего хорошего. Брови сурово сдвинуты, рот сжат.

– Привет.

– С утра приветствовались...

– Знакомься, это майор Асафьев. А ты что, кстати, такой, словно змею проглотил?

– Змей мне есть еще в Лаосе приходилось. Не побрезговал. И этих змеенышей вместе с дерьмом проглочу... Достали они меня, ох и достали...

Значит, есть новости.

– Они не змееныши, они себя волками считают. А нас с тобой держат за ягнят. Так, кажется, тебе эта стерва объяснила? Так что случилось?

– Только что опять звонили. И рассказывали, как можно человека по частям разделять, словно скотину. Это они мою дочь имели в виду. И опять предупредили, что времени у меня на раздумье только до утра. Продления срока не будет.

– Ты как сам-то? – положил я ему руку на плечо. Мышцы плеча оказались напряженными и такими жесткими, какие трудно было надеяться обнаружить у крепко попивающего мужика. Да, годы систематических тренировок даром не прошли.

– Я в состоянии скрытого поиска на чужой территории. Ты сам знаешь, что это такое...

– Понимаю. Я, можно сказать, тоже. Пистолет уже «работает», меня, стало быть, уже ищут.

– Хорошо. Кто ищет, тот всегда найдет...

– А теперь посидим десять минут, – сказал Асафьев, – мысленно опорожним новые бутылки и поедem на конспиративную квартиру. Будем делать фоторобот Марии-Гавроша. С собой заберем, кстати, вашу вчерашнюю посуду. На экспертизу содержимого. Да и «пальчики» посмотреть надо. Если это они подсунули специально, значит, там должны быть отпечатки убийцы киоскерши. Нашу следственную бригаду это должно заинтересовать.

– Так они киоскершу убили? – скрипнул зубами Леня.

– Да.

– Жалко. Красивая была девка. На мою дочь чем-то похожа, – вздохнул он. – Только красилась очень безвкусно... Кстати, как проверить сотовый телефон?

– Также с собой возьмем. Но там работа тоньше. Там сначала надо будет его через сканер прозвонить. Да и всю квартиру твою не мешало бы...

– Квартиру я и сам по сантиметру обшарил. «Жучки» искал. Чисто. Они же тоже не дураки. «Жучки» ставятся человеку, который об этом не подозревает...

Разговаривать в коридорчике надоело. Мы разулись и прошли в комнату. Слишком торопиться тоже не следовало. Сразу за дверью на специальном кронштейне висел большой тренировочный мешок. Вчера его не было. Как только подполковник сумел одной рукой поднять его? Даже на внешний вид мешок тяжеленный и жесткий. Но радовало уже то, что Леня начал тренироваться.

– Осваиваешь удар с левой?

Вместо ответа он зло и резко воткнул два пальца в грубую кожаную поверхность. Осталась глубокая и очень узкая вмятина. Человеческое горло такой удар может и не выдержать...

3

Майор Лоскутков в раздумье пил очень горячий и очень сладкий чай. Стол перед ним был, как всегда, девственно чист, если не считать привычно свернутого вчетверо листка бумаги, на который он обычно ставил стакан, чтобы не испортить матовую деревянную поверхность. Аккуратность майора была обще-известна.

Дверь в соседний кабинет распахнута. Володя с кем-то разговаривал по телефону, можно сказать, проводил инструктаж.

– Дави, дави и дави, чтобы он каждую минуту вспомнил, по десять раз заставляй повторять – обязательно все перепутает. Пока он испуган, ты сможешь все из него выжать. А завтра ему адвоката назначат, тогда уже все...

Во входную дверь постучали осторожно, по-кошачьи.

– Войдите, – громко сказал майор.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель просунулась голова в вязаной черной шапочке, надвинутой на самые глаза.

– Можно?

– Входите же, я сказал.

Только тут он понял, что это не пацан какой-то, как сначала показалось, а молодая женщина. Худое лицо почти без косметики. Большие очки. Какая-то ужасного морковного цвета помада на тонких губах почти стерлась. Лицо болезненное и изможденное. На посетительнице куртка с китайского базара. Кожа на куртке потрескалась, краска начала шелушиться.

– Я вот... Вызывали... – Голос испуганного человека. Женщина, похоже, начала бояться еще до того, как глянула в знаменитые рысьи глаза мента.

Лоскутков понял, что это и есть та женщина, подвезти которую пытался погибший бизнесмен Широков, когда попал в аварию. Это сразу вызвало недоумение. Внешне она совсем не похожа на человека, который ловит попутную машину. Хотя практика показывает, что внешний вид не всегда соответствует содержимому кошелька. Но как понять самого погибшего? Юрий Левонович не из тех, кто левачит и зарабатывает извозом машине на бензин и себе на хлеб. И «Лексус» не та машина, на которой подобным занимаются.

– Сабирова Марина Николаевна? – Майор постарался спросить как можно мягче, чтобы совсем не напугать женщину.

– Да.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Я понимаю, что вас уже допрашивали, но возникли новые обстоятельства, которые требуют уточнения некоторых сведений. Все-таки первичный допрос проводили сотрудники ГИБДД, а они не обращают внимания на тонкости, которые интересуют нас. Как-никак, а вы, Марина Николаевна, последний человек, который видел владельца машины живым и общался с ним. И для нас очень важен ваш рассказ.

– Да мы же почти и не общались... Меньше минуты...

– И тем не менее... Вы были вот так же одеты, когда останавливали машину?

Женщина покраснела. Слова мента о внешнем виде задели самый больной для каждой женщины вопрос.

– Вы уж извините меня за внешний вид, – Марина Николаевна поправила низко надвинутую на лоб шапочку, теперь она надвинула ее почти на глаза, – но у меня очень плохое самочувствие.

– Вы еще не оправились после аварии?

– Рука только слегка болит, а вот голова ни на минуту не отпускает. У меня же сотрясение мозга. И тошнит, и температура постоянно держится. Я уж сегодня врача сначала дождалась, а потом к вам пошла. Не опоздала?

– Вы бы лучше позвонили. Я бы сам смог приехать. И так, я повторяю вопрос...

– Нет, я была в другой куртке. В новой... Сейчас она, правда, уже не новая. Ей рукав сильно порвало во время аварии. И одеть больше нечего.

– Куда и откуда вы ехали?

Несколько секунд она сомневалась.

– Я на базаре была. И задержалась. А мы договорились с... С одним знакомым встретиться на улице. Много лет уже не виделись, с института. Случайно в подземном переходе столкнулись, и вот... Договорились... На трамвае я бы уже не успевала. И решила машину остановить.

«Да, – внутренне согласился мент, – для одинокой женщины, встретившей старого друга и надеющейся на что-то, – вполне реально в такой ситуации остановить машину. Каждый человек хочет себе счастья и стремится к нему, даже самый некрасивый человек».

– В каком месте это было?

– Напротив кинотеатра «Родина». Там как раз в ограждении звено вынули, чтобы на другой базар – около цирка – машины заезжать могли. Там же, знаете, два базара...

– Знаю. Я город знаю, – кивнул Лоскутков спокойно, желая и Сабирову успокоить своим тоном.

– Вот... – Она замолчала и опустила взгляд, ожидая новых вопросов или просто переводя дыхание. Вид у Марины Николаевны в самом деле был болезненный.

– Вы вышли на дорогу?

– Там переход сделали. Я как раз сразу за переходом и встала. И только руку подняла, он сразу и остановился. Я раньше никогда на таких шикарных машинах не ездила. Даже испугалась немножко. Думала, такие и не подвозят никого...

– Они и не подвозят, – сам себе сказал Лоскутков.

– Что?

– Нет, это я размышляю... И так. Машина остановилась. Вы не обратили внимания, никто больше там же машины не останавливал?

– Чуть дальше женщина стояла. Шагов через двадцать. Очень сильно рукой махала. Спешила, должно быть... Или тоже хотелось ей на такой шикарной машине проехать. Если б она знала, что проехать удастся так недалеко, то не сильно бы спешила...

– Как она выглядела?

– А это важно?

– Возможно. Насколько я понимаю из протокола предыдущего допроса, кто-то на этом месте должен был к водителю подсесть?

Сабирова помяла между пальцами перчатки.

– Вообще-то, конечно... Наверное, это она и была. Ну, как выглядела... Я же только мельком на нее посмотрела. Не разглядывала особо. С меня ростом. Только одета, конечно, получше. Шубка у нее короткая. Песцовая. И стрижка тоже короткая. Современная такая, спортивная. По движениям понятно. А потом мы проехали мимо, и все, я ее уже не вспоминала.

– О чем вы разговаривали с водителем?

– Я только дверцу открыла, хотела спросить, а он сразу и предложил мне садиться. Я села. Только немного испугалась. У него же лицо такое... Это... Кавказский тип... Сейчас всех кавказцами запугали, и я немного испугалась. Боялась, приставать начнет. И сказала ему, что мне на проспект Победы надо. Проехали немного, он и спрашивает про какие-то фотографии...

– Точно вспомните, что он спросил?

Марина Николаевна долго не думала:

– Спросил: «Что, вы встречаетесь с вашим сыщиком на проспекте Победы?» Я сначала растерялась. Понимать начала, что он меня не за ту принял. А он опять спрашивает: «Вы там с ним встречаетесь?» Тут и я спросила: «Какие фотографии?» Он так долго на меня посмотрел.

Удивленно, потом сказал: «Черт!» – и стал налево поворачивать, чтобы линию переехать и назад, наверное, вернуться. И прямо под трамвай. Вот и все...

Лоскутков развернул карту-схему, где было все отмечено следователем ГИБДД. Его удивило, что расстояние от места посадки до места аварии было довольно большим, а разговор таким коротким. Но спрашивать об этом Сабирову он не стал.

– Спасибо, Марина Николаевна. Если вы снова встретите ту женщину, которая машину останавливала рядом с вами, вы ее сможете узнать?

– Не обещаю, но, может быть, и смогу. Я же только мельком ее видела.

– На всякий случай. – Майор протянул свою простенькую визитную карточку. – Вот мой телефон. Если вдруг даже на улице увидите, сразу позвоните. Это очень важно. Еще раз спасибо. Подпишите протокол, пожалуйста, и больше я вас не задерживаю.

Сабирова вышла так же тихо, как и вошла. Мышка-норушка, а не женщина.

– Володя! – крикнул майор в соседний кабинет. – Ты сейчас более-менее свободен?

– Я никогда свободен не бываю, – отозвался капитан. – С тех пор, как сдуру женился...

– Дело есть срочное.

Володя остановился в дверном проеме, уперев руки в косяки.

– Если я правильно помню, вдоль всего тротуара около цирка идет каменный парапет. Возле него стоят торговцы. В основном бабушки, но есть и молодые. Места у них там стабильные. Спрашивать лучше молодых, потому что бабушки на машины внимания не обращают. А на то, что «Лексус» остановился, чтобы кого-то подбросить, кто-то внимание может и обратить. Сгоняй туда. Поинтересуйся, не видел ли кто чего? И не видел ли кто вторую женщину – в короткой песцовой шубке...

ГЛАВА 6

1

Летом здесь хорошо.

Впереди водохранилище. С трех других сторон вокруг заводского лагеря, который когда-то назывался пионерским, а потом сменил имя и стал просто лагерем труда и отдыха для детей, тонкий полукруг березок, а дальше за этими березками до самого города стоит старый и величавый сосновый бор. Давным-давно бор этот принадлежал не городу, а казачьей станице Шершни. И в начале века казаки нагайками гоняли из своих угодий революционеров, которые повадились проводить в бору маевки. Сейчас уже и станица стала поселком в городской черте. Мало того, город подкрался к Шершням уже и с тыла, обогнув по кривой новым районом многоэтажек. Но Шершни – по другую сторону водохранилища и за плотиной. А лагерь вообще чуть в стороне и от Шершней, и от плотины, которую из-за лесистого мыса даже не видно.

Летом в лагере отдыхают дети заводчан. А зимой его все время ремонтируют, потому что поставленные в пятидесятые годы бараки ежегодно с трудом превращают в почти жилые помещения. Лето от лета все труднее стало доводить их до приемлемой кондиции, при которой санэпидемстанция подпишет акт, разрешающий ввести лагерь в эксплуатацию.

Так уж сложилось еще с советских времен, что ремонтом лагеря всегда занимаются бригады шабашников. В последние годы это, как правило, были выходцы с безработного Кавказа.

Гаврош сама не «светилась» на связи с чеченцами, хотя по паспортам они и были осетинами. Просто заплатила двести баксов нужному человеку, тот пошел к кому надо, выпросил у заказчицы еще двести баксов, кому-то заплатил, и бригада была принята по договору подряда. Можно было и работу начинать.

Их приехало девять человек. Пятеро – настоящие строители. Они и работали. Не слишком торопясь, но умело. Четверо оставшихся поступили в распоряжение Гавроша. Таков был приказ.

В лагерь она пришла в середине дня, в самый-самый снегопад, который обложил все окрестное пространство. Добираться до места не трудно, если знаешь куда идти. Выйти из троллейбуса, не доезжая несколько остановок до конечной, и пройти напрямик через сосновый бор. Пятнадцать-двадцать минут хода. Никто из боевиков не сомневался, что их командиру хождение среди деревьев без сопровождающего не страшно. За себя она постоять сумеет – это они знали еще по Чечне.

Высокий и крепкий, голый по пояс чеченец умывался, стоя босыми ногами на снегу. Должно быть, только что проснулся. Об этом говорили и глаза, и опухшее лицо. Гаврош появилась неожиданно и, как обычно, со спины. Она всегда любила подходить оттуда, откуда ее не ждут.

– Руслан, собери людей! – сказала сурово, даже не поздоровавшись, не улыбнувшись. – И не спи на ходу...

Руслан вздрогнул. Он не любил неожиданностей. И обычно никого не подпускал к себе незамеченным. Сейчас расслабился, зазевался.

– Здравствуй, командир. Всех собирать?

– Зачем мне все... – Она была раздражена. – Только своих и побыстрее. Где здесь свободное помещение?

Руслан показал на здание столовой. Там, по крайней мере, было тепло и дверь открыта. Гаврош прошла своей походкой волчицы, не оборачиваясь.

На ней был дутый зимний спортивный костюм. Руслан не удивился тому, что не услышал, как Гаврош оказалась сзади. Его смутило, что она появилась именно с этой стороны, хотя должна была бы прийти по дорожке с противоположной. Но пути командира неисповедимы. И боится он эту женщину не зря. Еще там, в прошлую войну, в нее сначала многие не верили. Кое-кто вообще относился с пренебрежением. Гаврош быстро доказала свое право на место среди мужчин.

Односельчанин Руслана хотел как-то обнять ее на улице, за что получил резкий удар локтем под сердце. Ему бы отстать и свести все к шутке, но выиграла уязвленная мужская гордость. На беду раздался смех свидетелей. И он, едва переведя дыхание, бросился на нее. Все происшедшее не поддавалось анализу, потому что просто глаз не мог уследить, как быстро и резко бьет Гаврош. Односельчанина сначала унесли. А через час по приказу Хаттаба подняли едва живого и окровавленного с постели и расстреляли. За то, что посмел поднять руку на командира. Хаттаб порядок в своем формировании поддерживал железной рукой.

Гаврош сразу в столовую не вошла. Сначала осмотрела здание со всех сторон, заглянула в окна. И только потом поднялась на крыльцо и стала там дожидаться боевиков. Они появились все вместе, в строительной робе, ничем не отличимые от других строителей, которые в это время занимались настоящим ремонтом.

Каждый здоровался с командиром уважительно, за руку, как с равным себе мужчиной. Она вошла в двери за их спиной. Боевики сели в дальнем углу за одним из столов. Гаврош презрительно посмотрела на покрытые пылью стулья и садиться не стала.

– Рассказывать? – спросил Руслан.

– Ты когда вернулся?

– Только утром.

– Потом расскажешь...

И стала ходить перед столом, как учитель ходит в классе перед партами, сурово поглядывая на бойцов, как тот же учитель поглядывает на нерадивых учеников. – Кто сдал группу? – спросила наконец.

Головы поднялись.

– Я спрашиваю, кто сдал группу? Откуда Муса знает, что вы здесь и что вы прибыли под мое командование?

– Муса? – переспросил Руслан. – Одноногий взрыватель?

– Да. Муса-взрыватель.

– Что он здесь делает?

– Как вам не положено знать того, что делает здесь Муса, так и он не должен знать, что делаете здесь вы. Так я еще раз спрашиваю. Кто сдал группу?

– Я встретил Джабраила, – сказал Али. – По улице шел, а он на машине мимо проезжал. Увидел меня, остановился. И спросил. Что я должен был ему сказать? Мы с ним на одной улице выросли. Почему я должен ему врать? Он разве враг?

Гаврош в досаде даже ногой топнула.

– Сам Джабраил тебе рассказал, что они здесь делают? Рассказал, кто командует их группой?

Али молча опустил голову.

– Джабраил никогда не предаст. Он надежный, как скала. Может сказать только Мусе. А Муса тоже не предатель. Мы все Мусу знаем...

– А зачем Мусе знать, что вы здесь? Зачем ему знать, что вы прибыли под мое командование? И вообще, дело не в предательстве. Если кто-то из них или из вас попадется, то русские спецслужбы отлично знают, как развязывать языки. Укол скополамина – и сам все с удовольствием расскажешь, даже еще приврешь с три короба, если похвастаться любишь, как настоящий кавказец.

– Я ничего не расскажу. – Али упрям.

А Гаврош насмешлива. Зла и насмешлива.

– Скополамин меняет психику человека. И ты, и я, и любой другой не можем за себя ручаться. Для этого надо проходить специальную подготовку под руководством психотерапевта.

– Значит, надо ее пройти.

– Но сам способ подготовки держится спецслужбами в тайне. Добудьте эту тайну, я первая скажу вам спасибо. Эта технология больших денег стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.